

A black and white portrait of a man with dark hair, wearing round-rimmed glasses, a white shirt, a dark bow tie, and a dark suit jacket. He is looking directly at the camera with a neutral expression. The background is dark and slightly textured.

С.Т. ДЖОШИ

ЛАВКРАФТ

Я – ПРОВИДЕНС

1

fanzon

С. Т. Джоши
Лавкрафт. Я –
Провиденс. Книга 1
Серия «Fanzon. Все о
великих фантастах»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67385198
Лавкрафт. Я – Провиденс. Книга 1: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-166978-2

Аннотация

Говард Филлипс Лавкрафт прожил всего 46 лет, но оставил после себя неоценимый вклад в современную культуру. Его жизнь была полна противоречий, взлетов и падений. Теперь она детально исследована ведущим мировым авторитетом С. Т. Джоши, который подготовил окончательную биографию Лавкрафта – расширенную и обновленную версию книги, которая стала лауреатом премии Брэма Стокера и Британской премии фэнтези. В ней вы найдете бесчисленные подробности творчества Лавкрафта, ранее не опубликованные, а также новую информацию из архивов, которая была обнаружена за последние 15 лет, в течение которых Джоши и работал над книгой. Это последнее слово в науке о Лавкрафте и его эпохе – человеке,

писателе и мыслителе, опередившем свое время и фактически создавшем новый литературный жанр.

«Книга 1» охватывает период с 1890 по 1924 год.

Содержание

Предисловие	12
Аббревиатуры	17
1. Чисто английская аристократия	18
2. Истинный язычник (1890–1897)	45
3. Мрачные леса и загадочные пещеры (1898–1902)	116
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Джоши С. Т. Лавкрафт. Я – Провиденс. Книга 1

S. T. Joshi I Am Providence:

The Life and Times of H. P. Lovecraft Volume 1

Copyright © 2013 by S. T. Joshi, as published by
Hippocampus Press, New York, USA

Перевод Школы перевода В. Баканова

Составитель серии Григорий Батанов

Оформление Елены Куликовой

© М. Стрепетова, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

I Am Providence
The Life and Times of
H. P. LOVECRAFT

S. T. JOSHI

Volume 1

Hippocampus Press
New York

ЛАВКРАФТ

Я – ПРОВИДЕНС

С.Т. ДЖОШИ

Книга I

fanzon

Москва
2022

*ПОСВЯЩАЕТСЯ
КЕННЕТУ У. ФЕЙГУ-МЛАДШЕМУ,
ДОНАЛЬДУ Р. БЕРЛЕСОНУ
И ДЭВИДУ Э. ШУЛЬЦУ*

Предисловие

Разве у кого-нибудь возникнет вопрос, зачем в наши дни публиковать настолько объемную биографию Г. Ф. Лавкрафта? Этот классик американской литературы не теряет популярности у любителей жанра ужасов, комиксов, фильмов и ролевых игр и еще долгие годы будет считаться фигурой крайне интригующей. Если что и требует пояснения, так это мое решение выпустить полную версию биографии, написанной в 1993–1995 гг. и опубликованной в сокращенной форме в 1996 г. За прошедшие с тех пор пятнадцать лет¹ появилось невероятное количество новой информации о жизни, окружении и трудах Лавкрафта, поэтому некоторые разделы книги пришлось переработать. В связи с чем прежде всего хочу отметить заслуги Кеннета У. Фейга-младшего, который вместе со своими коллегами-исследователями чрезвычайно глубоко изучил родословную Лавкрафта как по отцовской, так и по материнской линии. Изыскания Стивена Дж. Мариконды, Дэвида Э. Шульца, Т. Р. Ливси, Роберта Х. Во и других также повлекли за собой доработки разной степени серьезности. Смею предположить, что на пользу книге пошли и разумные замечания критиков сокращенного варианта биографии.

¹ Оригинальное издание вышло в 2013 г. (*Здесь и далее прим. перев.*)

Если вы читали предыдущую версию, то вполне можете задаться вопросом: что же изменилось в этом издании помимо того, что к нему добавили 150 000 слов? Теперь я и сам не смог бы дать подробный ответ. Работая над книгой, написанной в 1993–1995 гг. (объемом более 500 000 слов), я сокращал отдельные слова и предложения, иногда убирал целые разделы. Масштаб опущений можно оценить, сравнив количество сносок в полной и урезанной версиях: например, в прежнем варианте в четырнадцатой главе было 75 сносок, теперь их 98. Таким образом, я сумел представить как можно больше документальных подтверждений своим догадкам.

За последние пятнадцать лет появились важные материалы о Лавкрафте и публикации за его авторством, значительно упростившие жизнь биографа – по крайней мере в плане цитирования. Несравненную помощь оказала подборка мемуаров Лавкрафта «*Lovecraft Remembered*» (1998 г.), составленная Питером Кэнноном, настолько образцовая и всеобъемлющая, что вряд ли кому-то придется браться за это дело снова. Правда, у меня все же есть несколько замечаний к Кэннону: на его месте я бы не включал в книгу сокращенную версию воспоминаний Сони Дэвис, супруги Лавкрафта (отредактированную сначала Уинфилдом Таунли Скоттом, а потом Августом Дерлетом), а вместо поздней версии мемуаров Мюриэл Эдди использовал бы более раннюю. По этой причине данные источники я цитирую по другим изданиям.

Наиболее радикальные изменения были внесены в био-

графию в связи с публикацией важнейших материалов из переписки Лавкрафта, в частности с Августом Дерлетом, Робертом И. Говардом и Дональдом Уондри. Однако большинство отрывков я все же цитирую по изданию «Избранных писем» от «Аркхэм-хаус» (1965–1976), так как оно является наиболее распространенным и популярным собранием писем Лавкрафта.

Конкретные издания для цитат из рассказов, эссе или стихотворений Лавкрафта я не указывал. В 2008 году издательство «Барнс энд ноубл» впервые выпустило полный сборник рассказов автора, однако впечатление от первого издания было испорчено множеством опечаток. Редактор пообещал мне, что ошибки исправят (правда, возможно, не все сразу) и последующие издания приобретут более авторитетный вид. В книге, увы, отсутствуют комментарии, поэтому читателям, желающим узнать больше о рассказах Лавкрафта, рекомендую ознакомиться с моими тремя изданиями от «Пенгуин» (1999–2004), а также похожими публикациями вроде «*From the Pest Zone: Stories from New York*» (2003).

Подборку эссе Лавкрафта можно найти в «Избранных эссе» (2004–2006; 5 томов), а стихотворения – в сборнике «*The Ancient Track: Complete Poetical Works*» (2001).

Я хотел бы снова поблагодарить всех друзей и коллег, которые за последние тридцать лет существенно помогли мне в изучении жизни и творчества Лавкрафта. Спасибо тем, кто лично знал Лавкрафта или переписывался с ним: Фр-

энк Белнэп Лонг, Дж. Вернон Ши, Дональд Уондри, Роберт Блох, Этель Филлипс Морриш, Гарри К. Бробст. К сожалению, все они уже скончались. Что касается исследователей, то больше всего я узнал о Лавкрафте от трех человек, которым посвящена эта книга, — от Кеннета У. Фейга-младшего, Дональда Р. Берлесона и Дэвида Э. Шульца, хотя нельзя забывать и о других, кто тоже мне помогал, а именно Дирк В. Мосиг, Стивен Дж. Мариконда, Питер Кэннон, Дж. Вернон Ши, Джордж Т. Уэтцел, Р. Бозэрэм, Скотт Коннорс, Ричард Л. Тирни, Мэтью Х. Ондердонк, Фриц Лейбер, М. Айлин Макнамара, Донован К. Лоукс, Стефан Дземьянович, Т. Э. Д. Клайн, Перри М. Грейсон, Скотт Д. Бриггс, Марк А. Мишоу, Сэм Москович, Роберт М. Прайс, А. Лэнгли Сирлз и Ричард Д. Сквайрс. Я очень признателен Доновану К. Лоуксу за подбор фотографий для книги.

Библиотека Джона Хэя в кампусе Брауновского университета остается главным хранилищем рукописей Лавкрафта и его опубликованных работ; коллекцией автора в наши дни умело заведует Розмари Каллен. Спасибо Розмари и ее коллегам за то, что предоставили мне беспрецедентный доступ к невероятному обилию материалов.

Я искренне благодарен Дэвиду Э. Шульцу за работу над оформлением книги (и многих других моих работ), а также Деррику Хасси, который не побоялся ее опубликовать.

С. Т. Джоши
Сиэтл, Вашингтон
Июнь 2009 г.

Аббревиатуры

А. Д. – Август Дерлет

Э. Э. П. Г. – Энни Э. П. Гэмвелл

К. Э. С. – Кларк Эштон Смит

Д. У. – Дональд Уондри

Э. Х. П. – Э. Хоффман Прайс

Ф. Б. Л. – Фрэнк Белнэп Лонг

Д. Ф. М. – Джеймс Ф. Мортон

Д. В. Ш. – Дж. Вернон Ши

Л. Д. К. – Лиллиан Д. Кларк

М. У. М. – Морис У. Моу

Р. И. Г. – Роберт И. Говард

Р. Х. Б. – Р. Х. Барлоу

Р. К. – Рейнхард Кляйнер

СК – «Склеп Ктулху»

ИЛ – «Исследования Лавкрафта»

ИАХ – письма Лавкрафта в издании «Аркхэм-хаус»

БДХ – Библиотека Джона Хэя в кампусе Брауновского университета

1. Чисто английская аристократия

Говард Филлипс Лавкрафт нечасто копался в своей родословной, поэтому мало что узнал о предках с отцовской стороны, не считая информации, собранной его двоюродной бабушкой Сарой Олгуд². Во время дальнейшего изучения предков автора большая часть этих фактов не подтвердилась, особенно данные, касавшиеся жизни рода Лавкрафтов в начале девятнадцатого века, до переезда в Америку. Напротив, некоторые детали, имеющие отношение к предкам как по отцовской, так и по материнской линии, оказались ложными. Сейчас многие подробности уже не восстановить, а любому, кто желает проследить родословную Лавкрафта, предстоит серьезная работа.

Согласно записям Олгуд, фамилия Лавкрафт или Лавкрофт впервые встречается в письменных источниках в 1450 г. в гербовых списках, где упоминаются Лавкрофты из Девоншира, жившие близ реки Тейн. Боковые линии родства можно проследить до нормандского завоевания и даже дальше, однако прямая линия начинается лишь в 1560 г. – с Джона Лавкрафта. В его собственном изложении это звучит так: «Что ж, *Джон* породил *Ричарда*, который породил *Уильяма*, тот породил *Джорджа*, а тот – *Джозефа*, который породил

² От Г. Ф. Л. к Ф. Б. Л., [ноябрь 1927] (Избранные письма (далее – ИП) 2.179).

Джона, который стал отцом Томаса, который породил Джозефа, тот породил Джорджа, а тот — Уинфилда, который и стал отцом вашего старого дедули»³.

К сожалению, как недавно высказался по поводу материалов Олгуд Кеннет У. Фейг-младший: «Все эти записи, мягко говоря, в основном являются плодом воображения их автора»⁴. Ни Фейгу, ни его соавторам А. Лэнгли Сирлзу и Крису Доэрти не удалось подтвердить данные о вышеуказанных предках до Джозефа Лавкрафта (1775–1850), прадеда писателя. Имеется некоторая информация, указывающая на происхождение Джозефа от Джона Лавкрафта (1742–1780), а Джона от Джозефа (а не Томаса) Лавкрафта (1703–1781), но это лишь предположение. В отношении многократных заявлений Лавкрафта по поводу происхождения от других боковых линий Фейг замечает: «Лавкрафт не имел никакой связи с “великими” родами, указанными в его семейном древе. Среди его предков, по всей вероятности, не было Фулфордов, Эджкомбов, Чичестеров, Карью, Масгрейвов и Ридов»⁵.

Жаль, но именно с одной из этих боковых линий, в родство с которой ошибочно верил Лавкрафт, связана по-настоящему странная легенда. Женой Джорджа Лавкрафта (деда

³ ИП 2.182 (прим. 1).

⁴ См. *Quae Amamus Tuemur: Ancestors in Lovecraft's Life and Fiction* в книге Кеннета У. Фейга-мл. *The Unknown Lovecraft* (New York: Hippocampus Press, 2009), 20.

⁵ Там же, 20–21.

писателя по отцу) была Хелен Олгуд, и по ее линии, как считал Лавкрафт, он являлся потомком Масгрейвов из Эденхолла в Камберленде. Ходили слухи, будто кто-то из Масгрейвов стащил у эльфов волшебный бокал, и после тщетных попыток вернуть его эльфы наложили на дом заклятье:

Будь на бокале один лишь скол,
Конец фортуне в Иден-холл.

Лавкрафт утверждал, что тот самый бокал хранится в Музее Южного Кенсингтона в Лондоне (так он назывался до 1899 г., пока его не переименовали в Музей Виктории и Альберта)⁶. Сейчас бокал (вероятно, привезенный в Англию из Сирии одним из участников Крестовых походов) высотой 16 сантиметров находится в отделе исламского искусства; семья Масгрейвов предоставила его в качестве экспоната в 1926 г., а в 1959 г. он был выкуплен музеем⁷. Легенда о бокале пересказана Лонгфелло в поэме «Удача Эденхолла»⁸.

Уже в более зрелом возрасте Лавкрафт, страстно интересовавшийся астрономией, с радостью обнаружил среди предков по материнской линии настоящего ученого. В 1556 г. Джон Филд или Фейлд (1520–1587), которого называли по-

⁶ От Г. Ф. Л. к Р. Х. Б., [19 марта 1934] (ИП 4.392).

⁷ Благодарю за информацию Сюзанну Джута и Оливера Уотсона, куратора отдела керамики и стекла из Музея Виктории и Альберта.

⁸ Лонгфелло, «Удача Эденхолла», *The Poems of Longfellow* (New York: Illustrated Modern Library, 1944), 438–40.

следователем Коперника в Англии, опубликовал таблицы положения небесных тел на 1557 г., а в 1558 г. – таблицы на 1558, 1559 и 1560 гг. В этих двух изданиях впервые на английском излагалась теория Коперника⁹. Увы, возникли сомнения, что тот самый Джон Филд является родственником Джона Филда (умер в 1686 г.), одного из первых поселенцев в Провиденсе, штат Род-Айленд, от которого и прослеживается прямая материнская линия Лавкрафта. Писателя, не подозревавшего о недостоверности данных, такое открытие, естественно, воодушевило, так как он, будучи атеистом, считал, что его род «по отцовской линии слишком уж кишит священнослужителями»¹⁰, а в целом о своих предках отзывался следующим образом: «Ни одного философа, художника или писателя – одни чертовы зануды»¹¹.

Лавкрафта позабавили рассказы о жизни (сохранившиеся, вероятно, благодаря Хелен Олгуд) некоего Томаса Лавкрафта (1745–1826), который, по всей видимости, вел настолько распутный образ жизни, что в 1823 г. был вынужден продать родовое поместье Минстер-Холл в Ньютон-Эбботе. Как ни странно, Лавкрафт, с неодобрением относившийся к расточительству и развращенности, почему-то питал особый интерес к этому человеку и едва ли не оправдывал утрату поместья, а также хвастался тем, что в его коллекции есть кни-

⁹ См. *Dictionary of National Biography* 6.1270–71.

¹⁰ От Г. Ф. Л. к А. Д., 5 июня 1936 (ИП 5.263).

¹¹ От Г. Ф. Л. к М. У. М., 5 апреля 1931 (ИП 3.360).

га с надписью «То. Лавкрафт. Его книга, 1787 г.»¹². Жаль, но родство подтвердить не удалось. «Мы не обнаружили информацию ни о каком Томасе Лавкрафте, взявшем в жены Летицию Эджкомб и являющимся хозяином поместья Минстер-Холл в Ньютон-Эбботе. В Девоне нет данных о поместье с таким названием»¹³, – сообщает Фейг. Лавкрафт считал, что именно шестой ребенок Томаса Лавкрафта, Джозеф Лавкрафт, в 1827 году решил эмигрировать в провинцию Онтарио в Канаде вместе с супругой Мэри Фулфорд (на самом деле Мэри Фулл, 1782–1864) и шестью детьми: Джоном Фуллом, Уильямом, Джозефом-младшим, Аароном и Мэри. Не найдя там лучшей жизни, он перебрался в район Рочестера, штат Нью-Йорк, где в 1831 г. устроился бочаром и плотником. Подробности переезда не подтверждены, и некоторые детали кажутся неточными. К примеру, в 1828 г. Джозеф вместе с детьми еще жил в Англии. С уверенностью можно сказать лишь о том, что сведения о жизни Джозефа Лавкрафта в районе Рочестера относятся к 1830–1831 гг.

Писатель думал, что никого из Лавкрафтов в Англии не осталось, и он, похоже, был прав – если иметь в виду написание фамилии. Уже к концу девятнадцатого века появляется множество отдельных Лукрафтов (*Lucraft* или *Luckraft*)¹⁴, и большинство из них упомянуты в свежих на тот момент

¹² От Г. Ф. Л. к М. У. М., 1 января 1915 (ИП 1.7).

¹³ Фейг, *Quae Amatius Tuetur*, 22.

¹⁴ См. Кеннет У. Фейг-мл., *Moshassuck Review* (Вальпургиева ночь, 1992): 29.

телефонных справочниках Лондона¹⁵ – это либо фамилии с другим написанием, либо довольно тесные линии родства. Сам Лавкрафт, однако, никогда не поддерживал связь с родней из Англии. Стоит заметить, что, согласно данным о переписи населения в Рочестере в 1840 г., сыновья Джозефа Лавкрафта Джон Ф. и Уильям были записаны под фамилией «Лавкрофт», а в переписи города Перу (округ Клинтон, штат Нью-Йорк) Джозеф-младший указан как Лукрофт¹⁶.

Дед писателя по отцу, Джордж Лавкрафт, родился в 1815 г.¹⁷. В 1839 г. он женился на Хелен Олгуд (1820–1881) и большую часть жизнь прожил в Рочестере, где служил сбруйником. Двое из пятерых его детей умерли еще во младенчестве; выживших звали Эмма Джейн (1847–1925), Уинфилд Скотт (1853–1898) и Мэри Луиза (1855–1916). Эмма вышла замуж за Исаака Хилла, директора школы Пелхэма в Нью-Йорке¹⁸; Мэри стала супругой Пола Меллона, а Уинфилд Скотт женился на Саре Сюзан Филлипс и породил Говарда Филлипса Лавкрафта. Некоторые из вышеупомянутых предков – Джордж Лавкрафт, Хелен Олгуд Лавкрафт, Эмма Джейн Хилл, Мэри Луиза Меллон и другие – похоронены на кладбище Вудлон в Бронксе¹⁹.

¹⁵ Кеннет У. Фейг-мл., *Moshassuck Review* (Хэллоуин, 1991): 14.

¹⁶ Там же, 28.

¹⁷ Фейг, *Quae Amatius Tuetur*, 30.

¹⁸ ИП 1.5 (прим. 11).

¹⁹ Благодарю за предоставленную информацию Кеннета У. Фейга-мл. и А.

Предков по материнской линии Лавкрафт прослеживал более старательно, однако его умозаключениям не всегда можно верить. В 1915 г. он утверждал, что «первый Филлипс [его] линии перебрался в Род-Айленд из Линкольншира во второй половине семнадцатого века и устроился в западной части колонии»²⁰. Имени этого родственника-переселенца Лавкрафт на тот момент не знал. К 1924 г. он уже заявлял, что произошел от преподобного Джорджа Филлипса (умер в 1644 г.), в 1630 г. отплывшего из Англии на «Арбелле» и поселившегося в городе Уотертаун, в Массачусетсе (к западу от г. Кембридж)²¹. Однако есть причина усомниться в предположении Лавкрафта, что Джордж был отцом Майкла Филлипса (1630?–1686?) из Ньюпорта в Род-Айленде, который является прямым предком писателя. Так или иначе, Асаф Филлипс (1764–1829), правнук Майкла (или, вероятнее, праправнук), направился в глубь страны и около 1788 г. поселился в Фостере, в западно-центральной части штата близ границы с Коннектикутом. Невероятно, но все восемь детей Асафа и его жены Эстер Уиппл (связанной родством по боковой линии с Абрахамом Уипплом, героем Войны за независимость США) дожили до взрослого возраста. Дже-

Лэнгли Сирлза. Подробнее о родословной Лавкрафта по отцовской линии см. книгу Доэрти, Сирлза и Фейга *Devonshire Ancestry of Howard Phillips Lovecraft* (Glenview, IL: Moshassuck Press, 2003).

²⁰ ИП 1.7 (прим. 11).

²¹ От Г. Ф. Л. к Эдвину Бейрду, 3 февраля 1924 (ИП 1.296).

ремайя Филлипс (1800–1848), шестой по счету ребенок, построил в Фостере на реке Мусап водяную мельницу, которая и стала причиной его смерти 20 ноября 1848 г., когда полы его пальто зацепились за движущийся механизм, и Джеремайю затянуло внутрь. Его супруга, Роби Рэтбан Филлипс, умерла в том же году, еще до мужа, поэтому четверо их детей, Сьюзан, Джеймс, Уиппл и Эбби, остались сиротами (пятый, первенец, прожил недолго). Уиппл Ван Бюрен Филлипс (1833–1904) – дед Лавкрафта по матери.

Лавкрафт упоминает, что Уиппл посещал Академию Ист-Гринвича (тогда она называлась Семинарией Провиденса)²², но точный период его учебы установить не получилось. Вероятно, это было еще до смерти его отца, Джеремайи, так как в 1852 г. Уиппла забрал его дядя Джеймс Филлипс (1794–1878). Мальчика увезли в город Делаван в Иллинойсе, основанный его родственниками, участниками движения за трезвый образ жизни. На следующий год Уиппл вернулся в Фостер, потому что (как говорится в его некрологе) в новом городе ему не понравился климат²³. По-видимому, именно в то время он ненадолго увлекся, как выражался Лавкрафт, «ремеслом сельского учителя»²⁴. 27 января 1856 г. Уиппл женился на своей двоюродной сестре Роби Альцада Плейс

²² ИП 1.6 (прим. 11).

²³ Некролог Уиппла В. Филлипса, *Providence Journal* (31 марта 1904).

²⁴ ИП 1.6 (прим 11).

(1827–1896)²⁵, и они поселились в Фостере на ферме ее отца, Стивена Плейса. Через три месяца у них родилась дочка Лиллиан Делора (1856–1932), а в последующие годы – еще четверо детей: Сара Сьюзан (1857–1921), Эмелин (1859–1865), Эдвин Эверетт (1864–1918) и Энни Эмелин (1866–1941). Сара Сьюзан, мать Лавкрафта, появилась на свет на ферме Плейсов, как когда-то и ее собственная мама²⁶.

В 1855 г. Уиппл приобрел в Фостере магазин и держал его как минимум два года²⁷, затем он предположительно продал магазин вместе с товарами, получив значительную прибыль, и таким образом занялся предпринимательством и продажей земельных участков. В то время²⁸ он переехал в город Коффинс-Корнер, что в нескольких милях к югу от Фостера, построил там «мельницу, дом, зал собраний и несколько доми-

²⁵ Г. Ф. Л. писал имя бабушки по маме «Rhoby», однако на ее надгробии на могильном участке Лавкрафтов (кладбище Суон-Пойнт, Провиденс) написано «Robie».

²⁶ От Г. Ф. Л. к Хелен Салли, 26 июля 1936 (рукоп., БДХ).

²⁷ Кейси Б. Тайлер, «Historical Reminiscences, of Foster, Rhode Island», впервые опубликовано около 1884 г. в *Pawtuxet Valley Gleaner*, затем в 1892–1893 гг. в отредактированной версии в той же газете; повтор. публикация в «Early Historical Accounts of Foster, Rhode Island», ред. Кеннет У. Фейг-мл (Glenview, IL: Moshassuck Press, 1993), 100–101.

²⁸ В письме к Ф. Б. Л. 26 октября 1926 (ИП 2.88) Г. Ф. Л. говорит, что двое младших детей Уиппла Филиппа родились в г. Грин, а это значит, что Уиппл переехал туда около 1864 г., однако в переписи населения США 1860 г. семья Уиппла уже числится среди жителей Грина.

ков для работников»²⁹. Скупив всю землю, Уиппл дал городу новое название – Грин (в честь Натаниэля Грина, героя Войны за независимость США, который был родом из Род-Айленда). В 1926 г., когда Лавкрафт приезжал туда вместе с тетей Энни, многие постройки еще сохранились, включая дом, построенный Уипплом для его семьи. Сейчас трудно представить, что двадцатичетырехлетний мужчина практически владел целым городком, однако Уиппл был энергичным и уверенным в себе деловым человеком, который за всю насыщенную жизнь успел несколько раз приобрести и потерять целое состояние.

Как заявляет Лавкрафт, дед основал в Грине масонскую ложу, и его слова подтверждает Генри У. Рагг в «Истории франкмасонства в Род-Айленде» (1895):

«В 1869 г. брат Уиппл Д. [*sic*] Филлипс и еще пятнадцать братьев, почти все состоявшие в масонской ложе, объединились и испросили разрешение на основание новой ложи, которая стала бы зваться “ионической”. Досточтимый брат Томас А. Доил представил прошение, великий мастер его одобрил и выдал разрешение от 15 января 1870 г. на создание и открытие новой ложи в деревне Грин г. Ковентри под названием “Ионическая ложа № 12”.

В соответствии с полученным разрешением первое собрание заинтересованных братьев прошло 19 марта 1870 г., где брат Уиппл Д. Филлипс выступил в качестве

²⁹ Там же.

мастера, а братья Уоррен Х. Тиллингаст и Уильям Р. Картер – в качестве первого и второго стражей соответственно»³⁰.

Уиппл Филлипс занимал должности и в других масонских организациях Род-Айленда. В 1886 г. ложа разрослась до таких размеров, что Уипплу, который к тому моменту уже перебрался в Провиденс, пришлось отдать в распоряжение масонов здание «Филлипс-Холл», построенное им самим³¹.

Уиппл в ту пору ненадолго увлекся политикой и с мая 1870 г. по май 1872 г. служил (согласно его некрологу) в нижней палате законодательного собрания Род-Айленда, однако предпринимательство все-таки интересовало его больше. Лавкрафт рассказывает историю взлетов и падений своего предка: «... в 1870 г. [Уиппл] не сумел избежать финансового краха, так как, будучи джентльменом, не стал отказываться от собственной подписи на векселе. В результате семья перебралась в Провиденс, и там он снова поправил свое положение...»³². В «Воспоминаниях о Фостере, штат Род-Айленд» (1884–1893) Кейси Б. Тайлер, кузен бабушки Лавкрафта по материнской линии³³, рассказывает о подробностях вышеописанного происшествия, упоминая, что Уиппл

³⁰ Генри У. Парр, «History of Freemasonry in Rhode Island» (Providence: E. L. Freeman & Son, 1895), 553. Благодарю Кеннета У. Фейга-мл. за то, что познакомил меня с этой книгой.

³¹ Там же, 554.

³² ИП 3.363 (прим. 10).

³³ ИП 2.83 (прим. 27).

«все же пал жертвой печально известного искusstителя Хьюго-га» и потерял почти все заработанные тяжелым трудом средства. Кем был этот Хьюгог, не говорится, хотя Тайлер отмечает, что в 1869 г. и сам лишился 10 000 долларов из-за «обмана со стороны мнимого друга по имени Хьюгог»³⁴. Возможно, между этими случаями мошенничества есть связь. Так или иначе, Тайлер не мог сказать о Хьюгоге ничего хорошего: «Во всем Фостере лишь один человек позорит наш город, и хотя нечестным путем он нажил немалое богатство, пусть его простят и забудут, и да пусть имя его канет в Лету и никогда его не вспомнят будущие поколения»³⁵. Желание Тайлера, судя по всему, сбылось.

Ферму Плейсов к тому времени, должно быть, продали, так как в 1870 г., согласно утверждению Лавкрафта, семье она уже не принадлежала³⁶. Переезд в Провиденс, скорее всего, состоялся в 1874 г.³⁷. Несколько раз сменив место жи-

³⁴ Тайлер, в «Early Historical Accounts of Foster, Rhode Island» Фейга, 101. Фейг сообщает, что в машинописной копии этого труда упоминается имя «Хьюгог», а в печатных версиях – «Хьюгаг».

³⁵ . *Early Historical Accounts of Foster, Rhode Island*, 112.

³⁶ ИП 2.88 (прим. 27).

³⁷ В ИП 1.6 (прим. 11) Г. Ф. Л. относит переезд в 1873 г., однако в некрологе Уиппла Филлипса (прим. 22) четко указан другой год – 1874; более того, в городском справочнике Провиденса Уиппл появился только в 1875 г., что говорит в пользу переезда в 1874 г. За эти и другие сведения о Уиппле Филлипсе я признателен Кеннету У. Фейгу-мл. и в особенности его работе *Some of the Descendants of Asaph Phillips and Esther Whipple of Foster, Rhode Island* (Glenview, IL: Moshassuck Press, 1993).

тельства, примерно в 1876 г. Уиппл поселился в доме по адресу: Бродвей, 276, в западной части Провиденса – то есть на западном берегу реки Провиденс, где ныне располагается деловой район города, – ведь именно там находились его конторы (главным образом у реки по адресу: Кастом-хаус-стрит, 5). В городском справочнике от 1878 г. он указан как владелец предприятия с «бахромной машиной», на которой обшивали бахромой шторы, покрывала и, вероятно, одежду. Одна любопытная деталь связана с поездкой Уиппла во Францию. В 1878 г. он отправился на Всемирную выставку в Париже по делам своего «бахромного» производства, но ему не повезло – в официальном отчете о выставке неправильно указали его имя: «Филлипс (М. Д.) и др., Провиденс, Род-Айленд»³⁸. Лавкрафт отмечает, что его дед был «культурным человеком и большим любителем путешествий», а также упоминает о его «знакомстве со всеми чудесами Европы, которые он увидел собственными глазами»³⁹. Поездка в Париж стала лишь первой (если до нее не было других) в череде путешествий Уиппла по Европе; в его некрологе также говорится о «длительном деловом визите» в Лондон и Ливерпуль в 1880 г.

На тот момент Уиппл Филлипс явно был человеком обеспеченным, и, помимо строительства дома по адресу: Эн-

³⁸ Отчеты уполномоченных из Соединенных Штатов о Всемирной выставке в Париже 1878 г. (Washington, DC: Government Printing Office, 1880), 1.341.

³⁹ От Г. Ф. Л. к Р. К., 16 ноября 1916 (ИП 1.33).

джелл-стрит, 194, в 1880–1881 гг., он взялся, пожалуй, за самое свое амбициозное дело: учреждение «Земельной и ирригационной компании Овайхи» в округе Овайхи на юго-западе штата Айдахо, «целью которой являлось сооружение плотины на реке Снейк и ирригация близлежащих фермерских и плодородческих регионов»⁴⁰. Кеннет У. Фейг-мл. проделал невероятную работу, раздобыв подробности об этом предприятии, и мне остается лишь обобщить полученные им данные⁴¹.

Фирма была зарегистрирована в Провиденсе под названием «Снейк-Ривер» в 1884 г., Уиппл числился ее главой, а его племянник Джеремайя У. Филлипс (сын его брата Джеймса У. Филлипса) – секретарем и казначеем. Изначально компания работала в сфере «земель и домашнего скота» (согласно объявлению в городском справочнике Провиденса от 1888 г.), но вскоре Уиппл заинтересовался строительством плотины – только не на реке Снейк, как полагал Лавкрафт, а на ее притоке, реке Бруно. В октябре 1889 г., как рассказывает Лавкрафт, фирму преобразовали в «Земельную и ирригационную компанию Овайхи» и зарегистрировали в штате Мэн⁴², а в 1892 г. она вновь сменила имя и стала «Род-Ай-

⁴⁰ От Г. Ф. Л. к Ф. Ли Болдуину, 13 января 1934 (ИП 4.344).

⁴¹ См. *Whipple V. Phillips and the Owyhee Land and Irrigation Company* Кеннета У. Фейга-мл. («Овайхи аутпост», май 1988); повтор. публ. в *The Unknown Lovecraft*, 50–55.

⁴² От Г. Ф. Л. к Ф. Ли Болдуину, 31 января 1934 (ИП 4.350).

лендской корпорацией».

К сооружению плотины приступили осенью 1887 г., и к началу 1890 г. работы были завершены. Следуя своей привычке давать названия городам, в 1887 г. Уиппл приобрел паромную переправу Генри Дорси и основал на реке Снейк, близ переправы, город Гранд-Вью. (Согласно переписи населения 1880 г., в этом городке в тридцати милях к югу от Бойсе проживало 366 человек.) Также Уиппл построил там отель «Гранд-Вью» и доверил управлять им сыну Эдвину.

Вскоре произошло несчастье. 5 марта 1890 г. плотину, на строительство которой было потрачено 70 тысяч долларов, полностью смыло из-за паводков. В газете «Овайхи эваланш» (*Owyhee Avalanche*), издаваемой в Силвер-Сити, оптимистично заметили: «Мистер Филлипс, управляющий компанией, не из тех, чей дух может сломить подобное происшествие. Не пройдет и пары лет, как он обязательно построит новую плотину взамен разрушенной – и куда лучше». Прогнозы газеты вполне оправдались, и возведение новой плотины началось уже летом 1891 г., а завершилось в феврале 1893 г.

Уиппл не мог постоянно присутствовать на месте строительства и посещал его лишь изредка. Далее мы узнаем, что, находясь за пределами Айдахо, он тратил почти все свое время и силы (особенно после апреля 1893 г.) на воспитание единственного на тот момент внука, Говарда Филлипса Лавкрафта. Как сообщалось в *Owyhee Avalanche*, Уиппл

Филлипс приезжал в Айдахо в июне и октябре 1891 г. и в июле 1892 г. После этого наверняка были и другие поездки, так как Лавкрафт получал от деда письма с почтовым штемпелем городов Бойсе, Маунтин-Хом и Гранд-Вью⁴³. Как ни странно, самое первое известное письмо, полученное Лавкрафтом от Уиппла (19 июня 1894 г.), было отправлено из города Омахи в штате Небраска, письмо от 20 февраля 1899 г. – из Гранд-Вью и еще одно от 27 октября 1899 г. – из Скрэнтона в штате Пенсильвания⁴⁴.

Около 1900 г. на долю «Земельной и ирригационной компании Овайхи» выпали некоторые финансовые затруднения. В тот год фирма в последний раз упоминалась в городском справочнике Провиденса и 12 марта 1901 г. была продана с торгов в Силвер-Сити. Уиппл Филлипс оказался одним из пяти покупателей, однако 25 мая 1900 г. общую стоимость имущества компании оценили всего в 9430 долларов, и более половины из них пришлось на оросительный канал. В начале 1904 г. плотину вновь смыло, что и стало решающим ударом. Как говорит Лавкрафт, повторное разрушение дамбы «практически разорило семью Филлипсов и приблизило смерть дедушки, который скончался от инсульта в возрасте

⁴³ См. прим. 39.

⁴⁴ Все три письма находятся в БДХ. У миссис Этель Филлипс Морриш было еще одно письмо от Уиппла Лавкрафту, однако дата его написания и место отправления мне неизвестны.

70 лет»⁴⁵. Уиппл Филлипс умер 28 марта 1904 г. После его смерти «Земельную и ирригационную компанию Овайхи» приобрели три новых владельца, переименовавших ее в «Ирригационную компанию Гранд-Вью». Позже мы еще вернемся к этой теме.

В последние годы жизни проект в Овайхи занимал Уиппла больше всего, хотя, судя по многочисленным поездкам, у него также имелись интересы в Провиденсе и других городах. Получив доступ к семейным документам Филлипсов, Артур С. Коки обнаружил бумаги, в которых Уиппл числился владельцем отеля «Вестминстер» по адресу: Вестминстер-стрит, 317, в Провиденсе, однако ни дата приобретения, ни период владения не указаны⁴⁶. Несмотря на потерю крупной суммы из-за плотины в Айдахо, складывается впечатление, что Уиппл Филлипс был не только крайне талантливым предпринимателем – смелым и немного опрометчивым любителем нововведений, – но и человеком высокой культуры, заботившимся о финансовом, интеллектуальном и личном благополучии всех своих родственников. Далее мы увидим, как эти его черты проявились во время воспитания маленького внука.

О Роби, супруге Уиппла Филлипса, известно очень мало. Согласно Лавкрафту, она училась в институте Лапхэма (пи-

⁴⁵ ИП 4.351 (прим. 41).

⁴⁶ Артур С. Коки, *H. Lovecraft: An Introduction to His Life and Writings* (магистерская диссертация: Колумбийский университет, 1962), 3.

сатель называет его «семинарией Лапхэма») в Северном Сичьюите в штате Род-Айленд⁴⁷, что примерно в пятнадцати милях к северо-востоку от г. Грин, но годы обучения не приводятся. Институт был основан в 1839 г. Ассоциацией баптистов доброй воли Род-Айленда как институт Смитфилда⁴⁸, и Роби Плейс предположительно стала одной из его первых студенток. Сам факт ее учебы в этом заведении указывает на крайнюю религиозность Роби, как и ее вступление вместе с тремя выжившими дочерьми в Первую баптистскую церковь в 1880-х, в списках которой как минимум Роби и Сюзи числились до конца своей жизни⁴⁹. В одном из ранних писем Лавкрафт так описывает бабушку: «Спокойная, невозмутимая женщина старой закалки»⁵⁰.

Лиллиан Делора Кларк, старшая тетя Лавкрафта, посещала женскую семинарию Уитон (ныне – колледж Уитон) в Нортоне в Массачусетсе как минимум в период с 1871 по 1873 г.⁵¹. Нортон – небольшой город на юго-востоке штата, примерно в десяти милях от границы с Род-Айлендом. Неизвестно, почему Лиллиан и Сюзи не отдали в школу поближе

⁴⁷ От Г. Ф. Л. к Л. Д. К., 17–18 ноября 1924 (рукоп., БДХ).

⁴⁸ Г. Смит, «Growth of Public Education» в *State of Rhode Island and Providence Plantations at the End of the Century: A History* под ред. Эдварда Филда (Boston: Mason Publishing Co., 1902), 2.368–69.

⁴⁹ Кеннет У. Фейг-мл., *The Parents of Howard Phillips Lovecraft* (West Warwick, RI: Necronomicon Press, 1990), 23, 25.

⁵⁰ ИП 1.33 (прим. 38).

⁵¹ Фейг, *Parents*, 40.

к дому. Лавкрафт утверждает, что она «также училась в педагогическом колледже и какое-то время работала учительницей»⁵², однако документального подтверждения этого места учебы не обнаружено. Лавкрафт гордился творческими талантами матери и ее сестры и писал, что «картины Лиллиан взяли на выставку в художественный клуб Провиденса»⁵³.

О своем дяде, Эдвине Эверетте Филлипсе, Лавкрафт рассказывает мало, так как они были не очень близки. Некоторое время Эдвин помогал отцу с плотиной в Айдахо, но в 1889 г. вернулся в Провиденс и сам попытался заняться бизнесом, впрочем, особо не преуспел. В 1894 г. он женился на Марте Хелен Мэтьюс, через какое-то время развелся и в 1903 г. вступил во второй брак. За свою жизнь Эдвин перепробовал множество различных профессий, служил то представителем фабрики, то агентом по продаже недвижимости, то сборщиком арендной платы, нотариусом или торговцем монетами, а приблизительно в начале 1910-х основал «Рефрижераторную компанию Эдвина Э. Филлипса». Лишь единожды он серьезно соприкоснулся с жизнью Лавкрафта и его матери, и, как позже станет ясно, это не принесло им ничего хорошего.

Энни Эмелин Филлипс, младшая тетя Лавкрафта, родилась на девять лет раньше Сьюзи. Лавкрафт отмечает, что она «была еще очень юна, когда я только начал осмыслен-

⁵² ИП 1.6 (прим. 11).

⁵³ ИП 1.29 (прим. 38).

но наблюдать за окружающим миром. Она считалась довольно популярной в кругах молодежи и вносила значительную нотку веселья в нашу консервативную домашнюю обстановку»⁵⁴. О ее образовании ничего не известно⁵⁵.

Наконец-то мы можем сосредоточиться на Саре Сьюзан Филлипс, которая родилась 17 октября 1857 г. на ферме Плейсов в Фостере. К сожалению, о ранних годах ее жизни сохранилось мало информации. В тетради, куда она в юности записывала школьные уроки, данные о своей родословной и многое другое, нашлось трогательное воспоминание о ее сестре Эмелин, скончавшейся от дифтерии в 1865 г., не дожив до шести лет:

«Малютка Эмма подавала большие надежды, ее многообещающий интеллект пробуждал приятные ожидания среди друзей, а за простоту манер и добродушный характер ее обожали не только родители, но и все вокруг.

Во время болезни она проявила невероятную стойкость, хотя сильно мучилась из-за того, что ей было трудно дышать, и однажды по-детски непосредственно сказала матери: “Вот бы я ненадолго перестала дышать, чтоб хоть немножко отдохнуть”. В другой раз Эмма, проснувшись, заявила: “Мама, Библия наставляет детей”»⁵⁶.

⁵⁴ ИП 1.33–34 (прим. 38).

⁵⁵ Р. Ален Эвертс полагает, что она ходила в школу Уилер в Провиденсе.

⁵⁶ Сара Сьюзан Лавкрафт, тетрадь для записей (рукоп., БДХ).

Лавкрафт пишет, что Сьюзан, как и Лиллиан, посещала женскую семинарию Уитон, однако данный факт подтверждается только на один учебный год, с 1871-го по 1872-й⁵⁷. С этого момента и вплоть до замужества в 1889 г. о Сьюзан нет никаких записей, кроме упоминания в переписи населения США в 1880 г., где было указано, что она проживает с отцом по адресу Бродвей, 276. Клара Хесс, подруга семьи Лавкрафтов, так описывала Сьюзи в конце 1890-х: «Она была очень симпатичная и привлекательная, с необыкновенно белой кожей – ходили слухи, что ради этого она ела мышьяк, но я не знаю, верить ли в это. Она казалась чрезвычайно нервной девушкой»⁵⁸. Понятия не имею, насколько правдива история с мышьяком и связана ли она как-либо с дальнейшими проблемами Сьюзи, как физиологическими, так и психологическими. Позже Хесс добавляет: «Меня завораживала необычная форма ее носа, который придавал Сьюзи крайне любопытное выражение лица. Говард был очень на нее похож»⁵⁹.

Немногочисленные факты о жизни Уинфилда Скотта Лавкрафта до женитьбы удалось узнать благодаря исследованию Ричарда Д. Сквайрса из библиотеки Уоллес в Технологическом институте Рочестера⁶⁰. Уинфилд родился 26 октяб-

⁵⁷ Фейг, *Parents*, 40.

⁵⁸ Клара Хесс, *Providence Journal*; цит. по Фейг, *Parents*, 32.

⁵⁹ Клара Хесс в А. Д. *Lovecraft's Sensitivity* (1949); цит. по Фейг, *Parents*, 33.

⁶⁰ См. Ричард Д. Сквайрс, *Stern Fathers 'neath the Mould: The Lovecraft Family*

ря 1853 г., вероятно, в доме Джорджа и Хелен Лавкрафт по адресу Маршалл-стрит, 42 (позже номер изменился на 67), в Рочестере. Назвали его в честь генерала Уинфилда Скотта, тем более что мальчик появился на свет почти ровно через год после того, как Скотт, тогда выдвинутый кандидатом в президенты от партии вигов, посещал Рочестер (14 октября 1852 г.). Джордж Лавкрафт в то время служил коммивояжером в крупной рочестерской фирме «Питомник Элвангера и Барри». Семья ходила в Епископальную церковь (сейчас церковь Святого Павла). Эти факты важны для описания жизни Уинфилда, ведь он был торговцем и женился в Епископальной церкви Святого Павла в Бостоне, хотя его невеста принадлежала к последователям баптизма.

В 1859 г. у семьи указан другой адрес: Гриффит-стрит, 26, в Рочестере, через улицу от дома на Маршалл-стрит. (Здание на Гриффит-стрит, в отличие от дома на Маршалл-стрит, не сохранилось.) Неизвестно, где именно учился Уинфилд; предположительно он посещал одну из начальных школ Рочестера. Около 1863 г. Джордж Лавкрафт уехал в Нью-Йорк «разведать» обстановку – он планировал перевезти туда всю семью, – и в течение года Уинфилд вместе с матерью, сестрами и дядей Джозефом-младшим жил по адресу: Аллен-стрит, 106. Приблизительно в 1870 г. они действительно перебрались в Нью-Йорк, но Уинфилд остался в Рочестере и с 1871 по 1873 г. работал кузнецом на крупной фабрике по

производству карет «Джеймс Каннингем и сын». В тот период Уинфилд жил у другого дяди, Джона Фулла Лавкрафта, в доме на Маршалл-стрит. К 1874 г. Уинфилд Скотт Лавкрафт перестает упоминаться в каких-либо официальных записях в Рочестере.

В 1915 г. Лавкрафт заявлял, что его отец «получил образование и частное, и в военном училище, а его специально были современные языки»⁶¹, а уже два года спустя писал, что Уинфилд «любил все связанное с военным делом и отказался от места в военной академии Вест-Пойнт только по просьбе матери»⁶². Так получил Уинфилд военное образование или нет? В списке выпускников Вест-Пойнта он не значится, однако, возможно, он посещал не официальное военное училище (подобных в то время было не очень много), а школу с уклоном в военную подготовку. В любом случае Уинфилд, скорее всего, учился в какой-нибудь местной школе в штате Нью-Йорк, вероятно, неподалеку от Рочестера, хотя, согласно Сквайрсу, такого рода учебных заведений там не имелось. Если он и учился где-либо, то еще до того, как поступил на службу кузнецом, а военное училище, очевидно, являлось аналогом средней школы.

В какой-то момент Уинфилд переехал в Нью-Йорк – именно этот город указан в качестве места жительства в его

⁶¹ ИП 1.5 (прим. 11).

⁶² От Г. Ф. Л. к Р. К., 16 ноября 1916; *Letters to Reinhardt Kleiner* (New York: Hippocampus Press, 2005), 65 (этот отрывок не напечатан в ИП).

свидетельстве о браке. Хотя его имя не числится в городских справочниках Манхэттена или Бруклина (справочники по Квинсу или Бронксу в предполагаемый период его проживания в Нью-Йорке не выпускались). Впрочем, в справочнике Манхэттена можно найти одну интересную персону: на протяжении большей части 1880-х там указывался Фредерик А. Лавкрафт (1850–1893), сын старшего брата Джорджа Лавкрафта, Аарона, который приходился Уинфилду двоюродным братом. Возможно, как раз у Фредерика Уинфилд жил до вступления в брак. Квартирантов в городских справочниках обычно не указывали (имя самого Лавкрафта, квартировавшего по адресу: Барнс-стрит, 10, с 1926 по 1932 г., в тот период не упоминалось в справочнике Провиденса), а других вероятных вариантов пребывания Уинфилда в Нью-Йорке я представить не могу.

По всей видимости, он устроился на работу в фирму «Горэм и др., кузнецы» из Провиденса, которую в 1813 г. основал Джабез Горэм⁶³ и которая долгие годы оставалась одним из крупнейших предприятий города. Факт его трудоустройства подтверждается не заявлениями Лавкрафта, а, насколько мне известно, словами его жены Сони, которая в 1948 г. отметила: «Его отец, Уинфилд Скотт Лавкрафт, одно время служил коммивояжером в компании “Горэм, кузнецы Со-

⁶³ Уильям Дж. Маклафлин, *Rhode Island: A Bicentennial History* (Нью-Йорк: W. W. Norton, 1978), 123.

единенных Штатов Америки”»⁶⁴. Хотелось бы верить, что она узнала об этом от Лавкрафта. Артур С. Коки, изучавший данный вопрос в начале 1960-х, писал: «Поскольку записи о сотрудниках компании “Горэм” хранятся только за последние сорок лет, трудно определить, когда его приняли на службу»⁶⁵. Возможно, эта информация не так уж точна, потому что, как мне сообщили, данные о торговцах хранились в нью-йоркском офисе фирмы «Горэм»⁶⁶. Незвестно, как и когда Уинфилд начал работать на Горэма (если он действительно там работал) и почему, будучи коммивояжером, он числился жителем Нью-Йорка на момент бракосочетания 12 июня 1889 г. Не знаю, имеет ли к этому отношение тот факт, что в городском справочнике Манхэттена за 1889–1890 гг. Фредерик А. Лавкрафт записан как «ювелир»: может быть, он каким-то образом помог Уинфилду устроиться в «Горэм»? Это всего лишь гипотеза, однако в отсутствие фактов нам остается только строить предположения.

История о том, как Уинфилд познакомился с Сарой Сюзан Филлипс и как они полюбили друг друга, тоже представляет собой загадку. Сьюзи, в отличие от своей сестры Энни, не была «светской барышней», а Уинфилд не занимался по-

⁶⁴ Соня Х. Дэвис, *The Private Life of H. P. Lovecraft*, под ред. С. Т. Джоши (West Warwick, RI: 1985; переизд. 1992), 7.

⁶⁵ Коки, 4.

⁶⁶ Благодарю Джона Х. Стэнли из БДХ университета Брауна за предоставленную информацию. Сейчас в библиотеке хранятся документы из филиала компании «Горам» в Провиденсе, однако бумаг из филиала в Нью-Йорке там нет.

домовыми продажами и не мог встретить ее на службе, а даже если и встретил бы, то общественные нравы тех времен вряд ли позволили бы им сблизиться, ведь Филлипсы принадлежали к аристократии Провиденса.

Не знаю, стоит ли искать нечто примечательное в том факте, что брак заключили в Епископальной церкви Святого Павла в Бостоне. Семья Уинфилда, как нам уже известно, принадлежала к Епископальной церкви, и хотя в Провиденсе имелось много подобных церквей, где могла бы пройти свадебная церемония, Уинфилд, видимо, планировал переехать с семьей в Бостон, поэтому и выбрал церковь Святого Павла. Для девушки из Провиденса, прочно ассоциировавшегося с баптистской верой, вероятно, было странно выходить замуж в местной епископальной церкви. В связи с этим я не рассматриваю версию о том, что родители Сьюзи не одобряли ее брак, так как этому нет никаких подтверждений. Хотя на тот момент ей был тридцать один год, Сьюзи вышла замуж первой из дочерей Уиппла Филлипса. Она все еще жила с отцом, который вряд ли одобрил бы ее брак с человеком, если б тот был ему не по душе.

Будучи сторонником расовой чистоты, Лавкрафт любил заявлять, что «его предки были из чисто английской аристократии»⁶⁷, и если взять валлийский род (Моррисы) по отцовской линии и ирландский род (Кейси) по материнской

⁶⁷ ИП 1.296 (прим. 20).

линии, то его утверждение будет правдивым. Родословная Лавкрафта по матери действительно намного более разнообразная, чем по отцу, и среди предков Сьюзи Лавкрафт и ее отца Уиппла Ван Бюрена Филлипса можно найти Рэтбоунов, Мэтьюсонов, Плейсов, Уилкоксов, Хазардов и другие старинные семьи Новой Англии. А вот кого мы среди них не найдем, так это людей интеллектуальных и творческих, о чем так часто сокрушался Лавкрафт. Ему не досталась деловая хватка Уиппла Филлипса, зато литературно одаренный Говард интересовался жизнью матери, отца, деда и других близких и дальних предков.

2. Истинный язычник (1890–1897)

В апреле 1636 г. Роджер Уильямс уехал из Колонии Мас-сачусетского залива и отправился на юг. Сначала он поселился на восточном берегу реки Сиконк, а позже, когда Мас-сачусетс заявил о территориальных правах на этот район, переехал на западный берег. Это место он назвал Провиденсом. Уильям искал новое место жительства прежде всего из соображений религиозной свободы, поскольку его баптистские убеждения шли вразрез с пуританской теократией Колонии Массачусетского залива. Вскоре после этого Род-Айленд привлек еще двух религиозных диссидентов из Массачусетса: Сэмюэла Гортон, который приехал в Провиденс в 1640 г., и антиномистку⁶⁸ Энн Хатчинсон (предка Лавкрафта с материнской стороны по боковой линии), которая в 1638 г. основала колонию Покассет на северной оконечности острова Акуиднек в заливе Наррагансетт. Религиозный сепаратизм, сопутствовавший зарождению Род-Айленда, привел к тому, что в штате надолго сохранилось политическое, экономическое и социальное разделение общества⁶⁹.

Хотя Роджер Уильямс договорился с индейцами о приобретении участка земли в Провиденсе, впоследствии ко-

⁶⁸ Антиномизм – верование ранней церкви, согласно которому бог не ожидает от христиан подчинения каким-либо моральным законам.

⁶⁹ См. Маклафлин *Rhode Island: A Bicentennial History*, в разных местах.

ренному населению Род-Айленда пришлось несладко. Война Короля Филипа (1675–1676) оказалась опустошительной для обеих сторон, но в особенности для индейцев (нарагансеттов, вампаноагов, саконнетов и ниантиков), которых практически уничтожили. Жалкие остатки племен сбились в резервацию близ Чарлстауна. В Провиденсе и других городах восстановление разрушенных поселений белых шло медленно, но уверенно, и с тех пор белых колонистов беспокоила не религиозная свобода или борьба с индейцами, а экономическое развитие. В восемнадцатом веке четверо братьев Браун (Джон, Джозеф, Николас и Моисей) станут основными предпринимателями в колониях. Однако с этим связано и пятно на истории Род-Айленда, одного из главных штатов по работорговле как до, так и после Американской революции. На торговых судах (в том числе на разбойничьих каперах) из Африки вывозили сотни тысяч рабов. Лишь немногие из них попадали в сам Род-Айленд, а если и попадали, то работали на крупных плантациях на юге штата⁷⁰.

К досаде Лавкрафта, противника отделения американских колоний от Англии, Род-Айленд был в авангарде Революции, а местные жители, в отличие от других колоний, почти единогласно выступали за независимость. Стивен Хопкинс, служивший губернатором Род-Айленда большую часть времени в период с 1755 по 1768 г. и чей дом (1707 г.)

⁷⁰ По этой теме см. Чарльз Раппли, *Sons of Providence: The Brown Brothers, the Slave Trade and the American Revolution* (New York: Simon & Schuster, 2006).

на пересечении улиц Бенефит и Хопкинса так нравился Лавкрафту, был одним из тех, кто подписал Декларацию независимости. При этом, до последнего оставаясь сепаратистским штатом, Род-Айленд отказался отправлять делегатов на Филадельфийский конвент и последней из тринадцати колоний утвердил федеральную конституцию.

В 1638 г. Роджер Уильямс основал в Род-Айленде первую в Америке Баптистскую церковь. Более двух веков штат оставался преимущественно баптистским, и даже Брауновский университет (тогда Королевский колледж) основали в 1764 г. при содействии баптистов, однако со временем появились и другие религиозные течения: квакеры, конгрегационалисты, унитаристы, методисты, члены Епископальной церкви и так далее. Еврейское сообщество существовало здесь с семнадцатого века, хотя было немногочисленным и старалось не выделяться среди остальных. Католики заявили о себе только в середине девятнадцатого века, зато их ряды быстро пополнились иммигрантами: во время Гражданской войны – франко-канадцами (они плотнее всего обосновались в городе Вунсокет на северо-востоке штата), после 1890 г. – итальянцами (эти выбрали район Федерал-Хилл в западной части Провиденса), а вскоре еще и португальцами. В девятнадцатом веке, что неудивительно, среди давних жителей Новой Англии, к сожалению, возросла социальная исключительность и презрение к иностранцам. В 1850-х в штате господствовала партия «Ничего не знаю», настроен-

ная против приезжих и католиков. К началу 1930-х Род-Айленд оставался политически консервативным штатом, и родные Лавкрафта всю жизнь голосовали за республиканцев. Если Лавкрафт и ходил на выборы, то до 1932 г. тоже поддерживал именно Республиканскую партию. Главное издание штата «Журнал Провиденса» (*Providence Journal*) и по сей день остается консервативным, хотя с 1930-х штат стал в значительной степени демократическим.

Ньюпорт на южной оконечности острова Акуиднек быстро превратился в один из важнейших городов будущего Род-Айленда, и Провиденс потеснил его только после Войны за независимость. К 1890 г. Провиденс с населением в 132 146 человек являлся единственным крупным городом штата и занимал двадцать третье место в списке самых больших городов США. Основные топографические черты Провиденса – это расположение на семи холмах и реке Провиденс, которая разделяется на реки Сиконк на востоке и Мошассак на западе в районе Фокс-Пойнт. Между двумя реками расположился Ист-Сайд, старейшая и одна из самых престижных частей города, в особенности район Колледж-Хилл, возвышающийся на восточном берегу Мошассака. С холма спускаются основные северные и южные улицы – Мэйн, Бенефит, Проспект и Хоуп, а Энджелл и Уотерман охватывают Ист-Сайд с востока и запада. К западу от Мошассака находится Вест-Сайд, центральная часть города и более современный жилой район. На севере можно найти пригород По-

такет, на северо-западе – Норт-Провиденс, на юго-западе – Кранстон, а на востоке, на другом берегу Сиконка, пригороды Сиконк и Ист-Провиденс.

На вершине холма Колледж-Хилл красуется Брауновский университет, который в последнее время отхватывает себе все больше и больше окружающей территории. Это старейшая часть города, если говорить о сохранившихся в наши дни зданиях, хотя все они построены не раньше середины восемнадцатого века. Лавкрафт, по праву гордившийся колониальной архитектурой родного города, любил рассказывать о ней тем, кому не так повезло с местом жительства:

«Колониальный дом 1761 г., здание колледжа 1770 г., кирпичная школа 1769 г., здание рынка 1773 г., первая баптистская церковь с самым изящным шпилем во всей Америке 1775 г., многочисленные частные дома и особняки с 1750 г., церковь Святого Иоанна и Круглая церковь ок. 1810 г., гостиница “Голден-Болл” 1783 г., старые склады вдоль реки Грейт-Солт 1816 г. и т. д. и т. п.»⁷¹.

Гостиницы «Голден-Болл» (в которой останавливался Вашингтон) уже не существует, а еще Лавкрафт горько сокрушался по поводу сноса старых складов в 1929 г., однако все остальные здания сохранились. Более того, Лавкрафта очень порадовала бы грандиозная реставрация колониальных домов в Колледж-Хилл, которой с 1950-х занимается Обще-

⁷¹ От Г. Ф. Л. к Бернарду Остину Дуайеру, 3 марта 1927 (ИП 2.108).

ство Провиденса за сохранение архитектуры (сейчас оно расположено в том самом здании школы 1769 г. по адресу: Митинг-стрит, 24). Благодаря реконструкции Бенефит-стрит теперь считается лучшим образцом колониальной архитектуры в Америке. В самом конце жизни Лавкрафт застал открытие музея в доме Джона Брауна (1786 г.), где теперь находится Историческое общество Род-Айленда.

К востоку от Колледж-Хилл можно увидеть целую массу жилых домов, построенных как минимум в середине девятнадцатого века, – они до сих пор впечатляют своим видом и ухоженной территорией. Именно эта часть города, а не район колониальной застройки, считается истинной родиной аристократии и плутократии⁷² Провиденса. Близ восточной границы вдоль реки Сиконк тянется бульвар Блэкстоун с роскошными домами, в которые некогда вкладывали свои деньги жители Новой Англии. На севере бульвара стоит больница Батлера для душевнобольных, открытая в 1847 г. на деньги Николаса Брауна, члена знаменитой семьи коммерсантов восемнадцатого и девятнадцатого веков, в честь которой в 1804 г. был назван Брауновский университет, и Сайруса Батлера, который и дал больнице свое имя⁷³. По соседству, с северной стороны больницы Батлера, протянулось кладбище

⁷² Плутократия – режим, при котором влиянием и властью обладает наиболее обеспеченная верхушка общества.

⁷³ Чарльз В. Чапин, «Epidemics and Medical Institutions», по Филд, *State of Rhode Island and Providence Plantations at the End of the Century*, 2.57–58.

Суон-Пойнт, возможно, слегка уступающее по живописности кладбищу Маунт-Оберн в Бостоне, тем не менее считающееся одним из самых красивых в стране.

Говард Филлипс Лавкрафт родился в 9 часов утра⁷⁴ 20 августа 1890 г. в доме по адресу: Энджелл-стрит, 194 (в 1895–1896 гг. перенумерован в 454) на тогдашней восточной окраине Ист-Сайда Провиденса. Хотя в 1885 г. в Провиденсе открылся родильный дом⁷⁵, Лавкрафт появился на свет «в доме Филлипов»⁷⁶ и всю жизнь был страстно привязан к месту своего рождения, особенно сильно тоскуя по нему после переезда в 1904 г. В одном из поздних писем Лавкрафт отмечает, что имя «Говард» начали использовать не только как фамилию лишь около 1860 г., так что «к 1890 г. оно стало модным». Далее он указывает несколько причин в пользу выбора данного имени: 1) в семье, жившей по соседству и дружившей с Филлипами, мальчика звали Говардом; 2) проследивалась родственная связь с судьей Дэниелом Говардом из Говард-Хилл в Фостере; 3) Кларк Говард Джонсон был лучшим другом и душеприказчиком Уиппла Филлипса⁷⁷.

В 1925 г. Лиллиан, тетя Лавкрафта, рассказала ему о том,

⁷⁴ От Г. Ф. Л. к А. Э. П. Г., 19 августа 1921 (ИП 1.147).

⁷⁵ Чапин, по Филд, *State of Rhode Island*, 2.66.

⁷⁶ От Г. Ф. Л. к М. У. М., 1 января 1915 (ИП 1.6).

⁷⁷ От Г. Ф. Л. к Р. Х. Б., [24 мая 1935]; *O Fortunate Floridian: H. P. Lovecraft's Letters to R. H. Barlow* (Tampa: University of Tampa Press, 2007), 271.

как он вел себя, будучи младенцем, и он ответил так: «Значит, я размахивал руками, словно радовался возможности попасть в новый мир, да? Как наивно! Мог бы и догадаться, что впереди меня ждет скука. Хотя, возможно, мне просто снилась какая-то причудливая история, и тогда мой энтузиазм вполне оправдан»⁷⁸. В ту пору в Лавкрафте еще не развился цинизм и интерес к «странной прозе», однако и то и другое придет к нему довольно рано и останется с ним надолго.

Из-за отсутствия документальных доказательств информация о переездах семьи Лавкрафтов и местах их проживания в период с 1890 по 1893 г. предстает довольно спутанной, а в словах самого писателя встречается много неясностей и противоречий. В 1916 г. Лавкрафт, прежде утверждавший, что появился на свет «в доме семьи моей матери», заявил, что «на самом деле в то время родители жили в Дорчестере, штат Массачусетс»⁷⁹. Дорчестер – пригород в четырех милях к югу от Бостона. Место их жительства в Дорчестере обнаружить не удалось, и вскоре станет понятно, что, скорее всего, оно было съемным. За неимением хотя бы противоречивых данных остается предполагать, что Уинфилд и Сьюзи Лавкрафт переехали в Дорчестер сразу после бракосочетания, состоявшегося 12 июня 1889 г., или же по возвращении из медового месяца, если таковой у них состоялся.

⁷⁸ От Г. Ф. Л. к Л. Д. К., 24 августа 1925 (рукоп., БДХ).

⁷⁹ От Г. Ф. Л. к Р.К., 16 ноября 1916 (ИП 1.31).

В еще одном из ранних писем (1915 г.) Лавкрафт говорит: «Вскоре после этого [после его рождения] чета Лавкрафтов обосновалась в Оберндейле, штат Массачусетс»⁸⁰. Сейчас Оберндейл является частью Ньютона и расположен на самом западе среди пригородов Бостона, примерно в десяти милях от его центра, однако в 1890-е он наверняка считался далекой окраиной. С этого момента и начинается путаница. Так когда Лавкрафты жили в Дорчестере, а когда – в Оберндейле? Какой период подразумевается под «вскоре после этого»? В письме от 1916 г. Лавкрафт сообщает: «Когда мне было два года – или полтора, если быть точнее, – родители переехали в Оберндейл и жили в одном доме с известной поэтессой Луиз Имоджен Гини...» Но в письме 1924 г. дается уже другая информация: «В раннем возрасте, когда ему было всего несколько месяцев от роду, будущий литературный мастер переселился в Провинцию Массачусетского залива, взяв с собой родителей в связи с тем, что его отец, как бы банально это ни прозвучало, горел желанием вести дела в Бостоне»⁸¹. И наконец, в одном из поздних писем (1931 г.) Лавкрафт приводит список штатов, в которых он жил или побывал, и первым из них на 1890 г. указан Массачусетс⁸².

Возможно, в действительности здесь нет никаких противоречий. Я подозреваю, что Лавкрафты начали жить в Дор-

⁸⁰ ИП 1.6 (прим. 7).

⁸¹ От Г. Ф. Л. к Эдвину Бейрду, 3 февраля 1924 (ИП 1.296).

⁸² От Г. Ф. Л. к Д. В. Ш., 19 [–31?] июля 1931 (ИП 3.383).

честере ближе к концу 1890 г., а в 1892 г. перебрались в Оберндейл. Вполне вероятно, что они успели временно пожить и в других пригородах Бостона, ведь в 1934 г. Лавкрафт рассказывает:

«Мои самые ранние воспоминания относятся к лету 1892 года, незадолго до моего второго дня рождения. Родители поехали отдохнуть в Дадли, штат Массачусетс, и я помню тот дом с ужасающим баком для воды на чердаке и лошадкой-качалкой, что стояла наверху у лестницы. Помню, как в лужи клали дощечки, чтобы было легче ходить после дождя, помню поросший лесом овраг и мальчика с игрушечной винтовкой, который разрешал мне понажимать на спусковой крючок, пока меня держала мама»⁸³.

Дадли находится в центрально-западной части Массачусетса, примерно в пятнадцати милях к югу от Вустера и к северу от границы с Коннектикутом.

Главный вопрос заключается в том, когда и при каких обстоятельствах семья Лавкрафтов жила под одной крышей с поэтессой Луиз Имоджен Гини (и жила ли вообще)? Похоже, в письмах Гини к Ф. Х. Дюю, с которыми Л. Спрэг де Камп ознакомился в Библиотеке Конгресса, есть некий намек на Лавкрафтов:

«[30 мая 1892]: На лето приедут ЖИТЬ два проклятых язычника.

⁸³ От Г. Ф. Л. к Д. В. Ш., 4 февраля 1934 (ИП 4.354).

[14 июня 1892]: Их даже не два, а два с половиной. Как я и говорила, мерзкие обыватели, ненавижу их всей душой. [25 июля 1892]: Хвала Господу, в следующем месяце наши чертовы жильцы съезжают. [30 июля 1892]: Те самые уехали, и мы снова сами себе хозяйки»⁸⁴.

Благодаря дополнительным исследованиям Кеннету У. Фейгу-мл. удалось установить, что вышеупомянутыми «жильцами» были какие-то немцы, а не Лавкрафты⁸⁵. Сам Лавкрафт заявляет, что «мы провели [у Гини] зиму 1892–1893 гг.»⁸⁶, и, рассматривая дальнейшие доказательства, полагаю, мы вынуждены пока что принять данный факт на веру. Судя по медицинским документам Уинфилда Скотта Лавкрафта (1893–1898), он числился жителем Оберндейла⁸⁷, и Лавкрафты вполне могли недолгое время проживать у семьи Гини, пока не нашли другое жилье (естественно, съемное) и не начали строить собственный дом. Лавкрафт ясно дает понять, что его родители к тому моменту уже приобрели в Оберндейле участок земли – он называет его «местом под дом»⁸⁸, но из-за болезни отца в апреле 1893 г. «недавно

⁸⁴ Цит. по Фейг, *Parents*, 8. В двухтомном сборнике «Писем Луиз Иможен Гини» (1926) никаких упоминаний Лавкрафтов нет.

⁸⁵ См. Кеннет У. Фейг-мл., «The Friendship of Louise Imogen Guiney and Sarah Susan Phillips,» в *The Unknown Lovecraft*, 70–86.

⁸⁶ ИП 2.107 (прим. 3).

⁸⁷ . *Medical Record of Winfield Scott Lovecraft*, ИЛ № 24 (весна 1991): 15.

⁸⁸ ИП 1.6 (прим. 7).

купленную там землю пришлось продать»⁸⁹. Таким образом, выстраивается следующая последовательность мест, где жили родители Лавкрафта:

Дорчестер, штат Массачусетс (12 июня 1889? – середина августа? 1890);

Провиденс, штат Род-Айленд (середина августа? 1890 – ноябрь? 1890);

Дорчестер, штат Массачусетс (ноябрь? 1890 – зима? 1892);

Дадли, штат Массачусетс (начало июня? 1892 [возможно, отдых всего на несколько недель]);

Оберндейл, штат Массачусетс (у Гини) (зима 1892/93);

Оберндейл, штат Массачусетс (съемное жилье) (февраль? – апрель 1893).

Лавкрафт говорит, что Гини (1861–1920) «училась в Провиденсе, где много лет назад и познакомилась с моей матерью»⁹⁰. Здесь все понятно: Гини на самом деле училась в Академии Святого Сердца, расположенной по адресу Смит-стрит, 736, в районе Провиденса, называвшемся Элмхерст. Она посещала эту школу с момента ее открытия в 1872 г.⁹¹ до 1879 г.⁹², а вот Сюзи, как нам известно, в 1871–1872 гг. учи-

⁸⁹ ИП 1.33 (прим. 10).

⁹⁰ ИП 1.32 (прим. 10).

⁹¹ Г. Смит, в Abkl, *State of Rhode Island*, 2.385.

⁹² Сестра Мэри Адорита, *Soul Ordained to Fail: (Louise Imogen Guiney: 1861–1920)* (New York: Pageant Press, 1962), 8.

лась в семинарии Уитон в Нортоне, штат Массачусетс. Хотя Генри Дж. Фэйрбэнкс, исследователь жизни и творчества Гини, утверждает, что в Академию Святого Сердца принимали и протестантов и католиков⁹³, я сомневаюсь, что Сюзи отдала именно туда, тем более что школа находилась по направлению к Норт-Провиденсу, вдалеке от дома Филлипсов на Бродвей, 276. Впрочем, Фейг высказал очень правдоподобное предположение о том, что Сюзи могла познакомиться с Гини через кого-то другого – например, через семью Бэниган. Джозеф и Маргарет Бэниган были соседями Лавкрафтов в Провиденсе с тех самых пор, как в 1880 г. Уиппл Филлипс построил свой дом на Энджелл-стрит, 194 (454), а две дочери Джозефа Бэнигана учились в Академии Святого Сердца одновременно с Гини. Весьма вероятно, что знакомство Сюзи с Гини относится именно к тому времени⁹⁴.

Конечно, Лавкрафт мог и преувеличить степень близости его матери с Гини, или же так сделала сама мать автора, рассказывая сыну о дружбе с поэтессой. Возможно, Сюзи упоминала о ней в связи с тем, что Лавкрафт занялся писательством. Лавкрафты наверняка некоторое время снимали комнату у Гини, готовясь искать отдельное съемное жилье, а впоследствии строить дом на купленной земле.

Луиз Имоджен Гини и сама по себе представляет некото-

⁹³ Генри Дж. Фэйрбэнкс, Louise Imogen Guiney: Laureate of the Lost (Albany, NY: Magi Books, 1972), 2.

⁹⁴ См. Фейг (прим. 16), 83.

рый интерес. Будучи своего рода вундеркиндом от литературы, она опубликовала первый сборник стихов «Песни начала» (1884), когда ей было всего двадцать три года. Затем последовало еще немало сборников поэзии и эссе. Окончив в 1879 г. Академию Святого Сердца, Луиз вместе с матерью переехала в Оберндейл, затем какое-то время пожила в Англии (1889–1891) и вернулась в свой дом на Виста-Авеню в Оберндейле. На момент приезда Лавкрафтов ей был примерно тридцать один год, а миссис Лавкрафт – на четыре года больше.

У Лавкрафта сохранилось множество отчетливых воспоминаний о жизни в Оберндейле, и особенно в доме Гини:

«Ясно помню Оберндейл в 1892 году спокойным тенистым пригородом. Что интересно, в таком юном возрасте меня почему-то больше всего поразила мост над четырехколейной железной дорогой Бостон – Олбани и протянувшиеся под ним рельсы... Мисс Гини держала у себя целую стаю сенбернаров, и все ее собаки были названы в честь писателей и поэтов. Больше всего я сдружился с лохматым джентльменом по имени Бронте, повсюду следовавшим за моей коляской, когда мама гуляла со мной по улицам. Бронте не кусал меня, если я засовывал ему в рот кулак, и, желая защититься, рычал на подходивших ко мне незнакомцев»⁹⁵.

Эти сенбернары, кстати, тоже успели прославиться. В

⁹⁵ ИП 1.32 (прим. 10).

статье из «Воскресной трибуны Чикаго» (*Chicago Sunday Tribune*) от 3 декабря 1893 г. пишут: «С помощью огромного сенбернара, своей матери и небольшой коллекции книг она устроила в Оберндейле почтовую контору... Сенбернара назначили заместителем начальника, и он возглавил отдел перевозок»⁹⁶. О том, что у Гини было несколько собак, автор, похоже, не знал. Всех собак, включая Бронте, изобразили по заказу поэтессы на портретах, которые она повесила в гостиной⁹⁷. По иронии судьбы, как обнаружил в 1977 г. Дональд Р. Берлесон, дом Гини давным-давно снесли, а на его месте построили новый, однако сохранился старый сарай и задний двор, где похоронены собаки, и могила Бронте до сих пор четко просматривается.

Еще одно яркое воспоминание Лавкрафта связано с живописной картиной, открывшейся ему с моста над железной дорогой. В своем письме от 1930 г. он четко относит его к зиме 1892/93 г.: «Помню, как в два с половиной года я стоял на мосту над железной дорогой в Оберндейле, штат Массачусетс, и, глядя на деловую часть города, чувствовал неизбежность какого-то чуда, которое не мог ни описать, ни полностью постичь, и после этого ни один час моей дальнейшей жизни не проходил без схожих ощущений»⁹⁸. Если Лавкрафт

⁹⁶ Цит. по Е. М. Тенисон, *Louise Imogen Guiney: Her Life and Works 1861–1920* (London: Macmillan, 1923), 57–58.

⁹⁷ Тенисон, 29.

⁹⁸ От Г. Ф. Л. к А. Д., [январь 1930] (ИП 2.100).

не ошибается насчет возраста, значит, этот вид открылся ему в конце 1892-го или начале 1893 г. К этому же периоду относятся его первые литературные начинания:

«В возрасте двух лет я уже быстро болтал, знал алфавит по кубикам и книжкам с картинками и был совершенно *без ума* от стихотворного ритма! Читать я еще не умел, зато мог повторить любой простенький стишок, отчетливо выдерживая ритм. Больше всего мне нравились “Стишки Матушки Гусыни”, и мисс Гини постоянно просила меня прочесть оттуда наизусть какой-нибудь отрывок. Не то чтобы декламация в моем исполнении была особенно примечательной, зато мой юный возраст придавал выступлению оригинальность»⁹⁹.

В других источниках Лавкрафт утверждает, что это его отец, любитель военного дела, научил его рассказывать стихотворение «Поездка Шеридана» Томаса Бьюкенена Рида, пока они жили у Гини, и декламация Лавкрафта «вызывала громкие аплодисменты и болезненно раздувала его самолюбие». Гини, по-видимому, тоже привязалась к малышу, и на ее вопрос: «Кого ты любишь?» Лавкрафт тоненьким голоском отвечал: «Луиз Имоджен Гини!»¹⁰⁰

Лавкрафт определенно гордился связью своей семьи с поэтессой и даже в 1930 г. говорил, что Гини «является од-

⁹⁹ ИП 1.33 (прим. 10).

¹⁰⁰ От Г. Ф. Л. к Р. К., 16 ноября 1916; письма к Рейнхарду Кляйнеру, 66.

ной из ключевых фигур американской литературы»¹⁰¹. И он не преувеличил ее значимость: после смерти Гини в 1920 г. опубликовали по крайней мере две посвященные ей книги – одну написала ее подруга Элис Браун (1921), вторую – английский критик Е. М. Тенисон (1923). В 1926 г. издали два тома писем Гини. Ее творчеством восхищались Эндрю Лэнг, Эдмунд Госс и многие другие выдающиеся критики. В 1962 г. появилась еще одна книга о Гини, написанная сестрой Марией Адоритой, а книга Генри Дж. Фэйрбэнкса вышла в серии *Twayne's United States Authors*, посвященной американским авторам, в 1973 г., спустя шестнадцать лет после того, как в этой же серии выпустили книгу о Лавкрафте. Правда, трудам Гини Лавкрафт дал следующую откровенную оценку:

«Говорят, что ее “стихи” что-то значат, но мне все некогда узнать, что же именно! И все-таки доктор Оливер Уэнделл Холмс однажды предсказал ей блестящее будущее. Она написала много книг, ее печатают в лучших журналах, однако я сомневаюсь, что потомки когда-либо поставят ее на одно место с тем же доктором Холмсом... Он следовал традициям Поупа, и его даже называли “современным Поупом”. А вот мисс Гини поклонялась довольно безобразным литературным божествам, по большей

¹⁰¹ От Г. Ф. Л. к Р. И. Г., 4 октября 1930 (ИП 3.184).

У Лавкрафта не было сборника ее стихов (опубликованного в 1909 г. под названием «Счастливый конец»; дополненное издание вышло в 1927 г.), но имелась книга «Три героини романов Новой Англии» (1895) с длинным биографическим очерком Гини «Марта Хилтон». Эту книгу, скорее всего, приобрела мать писателя.

Сам Лавкрафт пересекался с Оливером Уэнделлом Холмсом; с юного возраста и на протяжении всей жизни он будет водить знакомства с выдающимися писателями: «Оливер Уэнделл Холмс довольно часто посещал этот дом [Гини], и однажды, по слухам, держал будущего любителя “Станных историй” (*Weird Tales*) у себя на коленях, хотя тот ничего об этом не помнит»¹⁰³. Холмс (1809–1894), близкий друг Гини (именно ему она посвятила свои «Записки гусиным пером»), на тот момент уже достиг почтенного возраста, поэтому неудивительно, что ему не запомнилось общение с будущим мастером странных историй. Зато более памятной для Холмса оказалась давняя встреча с одним из родственников Лавкрафта, его дядей доктором Франклином Чейзом Кларком, который учился у Холмса в Гарвардской медицинской школе. Лишь в 1935 г. к Лавкрафту попало письмо Холмса, в котором он поздравляет доктора Кларка с публикацией ста-

¹⁰² От Г. Ф. Л. к Р. К., 2 февраля 1916 (ИП 1.20).

¹⁰³ ИП 1.296 (прим. 12).

тъи в медицинском журнале¹⁰⁴. Однако на тот момент доктор Кларк еще не был знаком с Лавкрафтами: он женился на Лиллиан Д. Филлипс только в 1902 г. Отчасти именно благодаря этой давней связи с Холмсом Лавкрафт так высоко оценил его роман «странного» жанра «Элси Веннер» (1861). У Лавкрафта также имелась подборка очерков Холмса «Автократ за завтраком» и сборник его стихов.

Переезды в детстве Лавкрафта были, конечно же, связаны с работой его отца. В медицинских записях тот указан как «коммивояжер», и Лавкрафт неоднократно подтверждает, что именно торговые дела отца удерживали их в Бостоне в 1890–1893 гг. Нет причин сомневаться в словах Лавкрафта о том, что «я помню его очень смутно»¹⁰⁵, ведь писатель прожил с отцом лишь первые два с половиной года жизни, а возможно, и того меньше, поскольку отец, по всей вероятности, надолго уезжал в командировки.

О болезни, поразившей Уинфилда Скотта Лавкрафта в апреле 1893 г. и приковавшей к койке в больнице Батлера до конца его дней в июле 1898 г., стоит рассказать подробнее. Вот что указано в записях из больницы Батлера:

«В последний год проявляются некоторые симптомы психического расстройства: временами пациент

¹⁰⁴ От Г. Ф. Л. к Ричарду Ф. Сирайту, 4 ноября 1935; *Letters to Richard F. Searight* (West Warwick, RI: Necronomicon Press, 1992), 68–69.

¹⁰⁵ ИП 1.6 (прим. 7).

говорит странные вещи и совершает странные поступки, сильно похудел и побледнел. Несмотря на это, продолжал работать, пока 21 апр. в Чикаго с ним не случился нервный срыв. Он выбежал из комнаты с криками, будто на него напала горничная, а в комнате наверху какие-то мужчины насилуют его жену. Два дня подряд вел себя буйно, но наконец успокоился благодаря снотворному, после чего его привезли сюда. Данные о каких-либо прежних болезнях отсутствуют».

После смерти Уинфилда в 1898 г. в документах поставили диагноз «прогрессивный паралич», а в свидетельстве о смерти указано «паралитическое слабоумие»¹⁰⁶. В 1898 г. (да и до сих пор) эти термины считались практически взаимозаменяемыми; в «Психиатрическом словаре» (4-е изд., 1970) Лиланд Э. Хинси и Роберт Джин Кэмпбелл пишут: «Слабоумие, паралитическое... То же, что и прогрессивный паралич, паралитическая деменция, болезнь Бейля; наиболее серьезная форма (третичного) нейросифилиса, состоящая в прямом проникновении паренхимы в мозг, что приводит к появлению психических и неврологических симптомов»¹⁰⁷. А вот о связи между «прогрессивным параличом» и сифилисом в 1898 г. еще не знали – спирохету, бактерию, вызывающую сифилис, обнаружили только в 1911 г. Артур С. Коки отказывался верить в то, что у Уинфилда был сифилис,

¹⁰⁶ Цит. по Коки, 10.

¹⁰⁷ Цит. по Фейг, *Parents*, 11.

и в подтверждение цитировал слова доктора С. Х. Джонса, администратора Медицинского центра Батлера, который в 1960 г. рассказал ему:

«...в 1898 г. данный термин [прогрессивный паралич] использовался обобщенно и бездумно. В следующем десятилетии установили, что у значительной части пациентов, проявлявших симптомы прогрессивного паралича, действительно был сифилис, но многие другие заболевания дают те же симптомы... Я могу вам с ходу назвать как минимум двадцать органических заболеваний мозга»¹⁰⁸.

При этом доктор М. Айлин Макнамара, изучавшая медицинские записи Уинфилда, пришла к выводу, что третичный сифилис – весьма вероятный в этом случае диагноз:

«Вряд ли это была первичная опухоль мозга, например глиобластома, или метастазы в мозгу, иначе он скончался бы намного быстрее. В случае вирусного или бактериального менингита он прожил бы от силы пару дней. Туберкулезный менингит также приводит к быстрой смерти. Фокальные судороги служат подтверждением того, что у У. С. Л. не было маниакальной депрессии и шизофрении. Уинфилд Скотт Лавкрафт почти наверняка умер от сифилиса»¹⁰⁹.

У Уинфилда проявлялись почти все симптомы третично-

¹⁰⁸ Коки, 11.

¹⁰⁹ М. Айлин Макнамара, «Winfield Scott Lovecraft's Final Illness», ИЛ № 24 (осень 1991): 14.

го сифилиса, описанные Хинси и Кэмпбеллом: «(1) Обычная деменция самого распространенного типа, которой сопутствует спад умственной, эмоциональной и социальной деятельности; (2) параноидальная форма с бредом преследования; (3) обширная или маниакальная форма, которой сопутствует мания величия или (4) депрессивная форма, связанная с абсурдным бредом отрицания»¹¹⁰. В медицинских записях отмечены по крайней мере три из вышеперечисленных симптомов: (1) 28 апреля 1893 г. «утром пациент... вырвался и начал с криками бегать туда-сюда по отделению, напал на охранника»; (2) 29 апреля 1893 г. «сказал, что в комнате наверху трое мужчин, включая одного чернокожего, пытаются изнасиловать его жену»; 15 мая 1893 г. «думает, что ему дают отравленную еду»; 25 июня 1893 г. «считает врачей и обслуживающий персонал своими врагами, обвиняет их в краже вещей, часов, облигаций и т. д.»; (3) под заголовком «Психическое состояние»: «хвалится большим количеством друзей, успехами в работе, семьей и больше всего своей невероятной физической силой – попросил посмотреть на его идеальные мышцы». Насчет четвертого симптома, депрессии, записи не позволяют высказать какие-либо предположения.

Если у Уинфилда на самом деле был сифилис, встает вопрос: как он им заразился? Конечно, сейчас невозможно что-либо с точностью утверждать. Макнамара напоминает, что

¹¹⁰ Цит. по Фейг, *Parents*, 11.

«латентный период между заражением и развитием третичного сифилиса составляет от десяти до двадцати лет», поэтому Уинфилд «мог заразиться в возрасте от восемнадцати до двадцати восьми, задолго до вступления в брак в тридцать пять лет». К сожалению, о том периоде жизни Уинфилда ничего не известно. Выходит, он подцепил сифилис либо от проститутки или от других сексуальных партнеров еще до женитьбы, либо во время учебы в военной академии, или же, несмотря на усмешки Коки над «торговыми агентами, ставшими мишенью тысяч шуток о вагоне для курящих»¹¹¹, во время работы коммивояжером, если он и правда заразился этой болезнью еще в двадцать восемь лет. Возможно, высказывать догадку о том, что Уинфилд был своего рода развратником и Казановой, стало бы преувеличением, однако два зарегистрированных случая его галлюцинаций, когда ему привиделось изнасилование жены, определенно указывают на некоторую форму сексуальной одержимости. По поводу расистской составляющей его видений я расскажу чуть позже.

Примечательно, что через несколько месяцев после Уинфилда, 8 ноября 1898 г., его кузен Джошуа Эллиот Лавкрафт (1845–1898) тоже скончался от «прогрессивного паралича»¹¹². Его положили в больницу в Рочестере, штат Нью-

¹¹¹ Коки, 12.

¹¹² Фейг, *Parents*, 11, цит. по Эвертс, «The Lovecraft Family in America», *Xenophile* 2, № 6 (октябрь 1975): 7.

Йорк, 10 апреля 1896 г., и он умер два с половиной года спустя. Ричард Д. Сквайрс сумел откопать медицинские записи Джошуа и сообщает о пугающем сходстве между симптомами Уинфилда и его кузена. В обоих случаях упоминается «атактическая» походка (то есть отсутствие координации движений), а «предполагаемой причиной» болезни Джошуа, как это ни удивительно, считают «деловые заботы», в точности как у Уинфилда. Похоже, причиной смерти Джошуа тоже стал сифилис. Хотя нам мало известно о жизни Джошуа и мы не можем сказать что-то конкретное о его отношениях с Уинфилдом, схожая участь наводит на определенные мысли.

Характер болезни Уинфилда неизбежно вызывает вопросы о его сексуальных отношениях с супругой. Вряд ли у нас есть какие-либо основания для высказывания догадок по этому поводу, ведь у пары родился сын, и если бы Уинфилд не заболел, возможно, они бы завели больше детей. Женщины из семьи Филлипсов были довольно плодовитыми, хотя Лиллиан, старшая сестра Сюзи, потомства не оставила, а двое детей младшей сестры Энни не дожили до взрослого возраста. В 1969 г. Соня Х. Дэвис, жена Лавкрафта, предположила следующее: «По моему мнению, старший Лавкрафт, работая коммивояжером в компании “Горэм”, повсюду искал сексуальные удовольствия, так как его жена была “недоτροгой”. У Г. Ф. не было братьев и сестер, и его неудовлетворенная мать, вероятно, изливала на единственного ребен-

ка всю свою любовь и ненависть одновременно»¹¹³. Полагаю, Соня лишь строила догадки, ведь она не знала мать писателя лично (они с Лавкрафтом познакомилась через шесть недель после смерти Сьюзан) и уж тем более его отца, и я сомневаюсь, что она могла услышать что-либо из вышеперечисленного от самого Лавкрафта. Сьюзи, вероятно, оставалась девственницей до вступления в брак и после смерти мужа воздерживалась от сексуальных контактов. Она забеременела через полгода после свадьбы, что указывает на вполне нормальные сексуальные отношения с учетом их социального положения, нравов тех времен и в особенности постоянных разъездов ее супруга.

Развитие болезни Уинфилда представляет собой ужасающую картину. В первые месяцы его пребывания в больнице часто говорится о том, что он ведет себя «буйно и агрессивно»; 29 апреля 1893 г. его успокоили с помощью небольшой дозы морфия. К 29 августа Уинфилду вроде бы стало лучше: «Несколько дней назад пациент оделся, и ему разрешили пройтись по отделению и выйти во двор», однако это длилось недолго. В ноябре его постоянно мучили судороги, которые иногда затрагивали только левую часть тела (по словам Макнамары, «это указывает на повреждение правого полушария мозга»), а вот к 15 декабря намечается «заметное

¹¹³ Соня Х. Дэвис, «Memories of Lovecraft» (1969), по *Lovecraft Remembered*, под ред. Питера Кэннона (Sauk City, WI: Arkham House, 1998), 276. [Компанию «Горэм» здесь ошибочно назвали «Готэм».]

улучшение».

Затем записи в медицинской карте становятся нерегулярными, с промежутками до шести месяцев. 29 мая 1894 г. Уинфилду разрешили выйти в холл и подышать воздухом во внутреннем дворе, хотя его поведение «время от времени было очень буйным». К 5 декабря состояние Уинфилда пошло на спад, участились судороги. Казалось, он близок к смерти, но вскоре он немного поправился. 10 мая 1895 г. его физическое состояние описывали как «заметно улучшившееся с момента последней записи», однако «в психическом плане стало только хуже». Далее на протяжении полутора лет почти никаких перемен. 16 декабря 1896 г. у Уинфилда на пенисе появилась язва, возможно, из-за мастурбации (подобные язвы служат первым признаком сифилиса, но начальная стадия заболевания у него уже давно прошла). Весной 1898 г. его состояние явно ухудшилось, появились кровь и слизь в стуле. К маю Уинфилд уже страдал запором, и раз в три дня ему требовалась клизма. 12 июля у него подскочила температура ($39,5^{\circ}$), резко увеличился пульс (до 106 ударов), снова участились судороги. 18 июля «его без конца били судороги», и на следующий день Уинфилд умер.

Трудно представить, какими мучительными стали эти пять лет для Сьюзи Лавкрафт, когда врачи понятия не имели, как лечить Уинфилда, а временное улучшение состояния, после которого и физическое, и психическое здоровье еще больше ухудшалось, лишь давало ложную надежду. В

1919 г. уже сама Сюзи попала в больницу Батлера, и ее врач Ф. Дж. Фарнелл «обнаружил расстройство, которое проявлялось на протяжении пятнадцати лет, а в общей сложности существовало не менее двадцати шести лет»¹¹⁴. Неудивительно, что началось это «отклонение» как раз в 1893 г.

Вот что интересно: в медицинских записях Уинфилд числится жителем Оберндейла, тогда как у его супруги указан адрес Энджелл-стрит, д. 194. Не знаю, стоит ли делать из этого какие-либо выводы, однако есть предположение, что Уинфилд и Сюзи почему-то расстались, и она переехала обратно в дом отца в Провиденсе задолго до указанной Лавкрафтом даты – апрель 1893 г. Впрочем, запись могла просто сообщать о том, что Сюзи (вместе с Говардом) вернулась в Провиденс сразу после того, как заболел Уинфилд, ведь оставаться в Оберндейле не имело смысла: приобретенный ими участок под дом быстро продали. У нас не хватает информации, чтобы высказать какие-либо предположения по данному вопросу, и уж точно мы не можем ничем подтвердить умозаключение, что Уинфилд и Сюзи поссорились. Полагаю, остается лишь поверить на слово Лавкрафту, если не появятся весомые доказательства в пользу обратного.

Мало кого интересует вопрос, почему на момент срыва Уинфилд оказался в Чикаго. Мне стало известно, что ком-

¹¹⁴ Уинфилд Тауни Скотт, «His Own Most Fantastic Creation: Howard Phillips Lovecraft» (1944), по *Lovecraft Remembered*, 16. Медицинских записей Сары Сюзан Лавкрафт уже не существует, но Скотт изучал их примерно в 1944 г.

пании «Горэм» принадлежала треть серебряной мастерской «Сполдинг и компания»¹¹⁵ в Чикаго, и можно предположить, что Уинфилда (если он действительно работал в «Горэм») отправили туда на встречу торговых агентов или какое-то подобное мероприятие. Он не мог уехать туда насовсем, иначе в медицинской карте местом жительства не был бы указан Оберндейл. Лавкрафт не упоминает о поездках отца в Чикаго или другие города за пределами окрестностей Бостона, хотя, возможно, он не знал всех подробностей разъездов Уинфилда.

Главный вопрос заключается в том, что именно знал сам Лавкрафт о характере и степени серьезности заболевания отца и знал ли вообще. Когда отца положили в больницу, Говарду было два года и восемь месяцев, а когда тот скончался, ему исполнилось семь лет и одиннадцать месяцев. Раз уж в два с половиной года Лавкрафт всю декламировал стихи, то он как минимум должен был осознавать, что произошло нечто странное, иначе почему он вдруг переехал с матерью обратно в ее родной дом в Провиденсе?

Из слов Лавкрафта становится ясно, что от него намеренно скрывали детали, связанные с болезнью Уинфилда. Возможно, всех подробностей не знала и сама Сьюзи. Лавкрафт впервые упоминает о болезни отца в письме 1915 г.: «В 1893 г. из-за бессонницы и перенапряжения нервной системы отца разбил паралич, и он попал в больницу, где про-

¹¹⁵ Благодарю Джона Х. Стэнли из БДХ за предоставленную информацию.

вел оставшиеся пять лет жизни. Он так и не пришел в сознание...»¹¹⁶ Вполне очевидно, что в этом отрывке нет почти ни капли правды. Упоминая «паралич», Лавкрафт либо пересказывает ложь, которой ему объясняли болезнь Уинфилда (что его отец парализован), либо делает неверные выводы из поставленного отцу диагноза («прогрессивный паралич») или на основе услышанных от кого-то фактов. В медицинской карте действительно упоминается переутомление («Несколько лет активно занимался торговыми делами, последние два года работал на износ»), и Лавкрафт, несомненно, тоже об этом знал, а ложь о том, что Уинфилд якобы не приходил в сознание, могла служить отговоркой, чтобы не водить мальчика в больницу. Тем не менее Лавкрафт наверняка догадывался, что с отцом что-то неладно, поскольку он знал, что в больнице Батлера лечат не простые физические заболевания, а психические расстройства.

Дальнейшие упоминания болезни отца Лавкрафтом являются вариациями письма 1915 г. В 1916 г. он пишет: «В апреле 1893 г. отца полностью парализовало из-за того, что его голова была чересчур обременена деловыми заботами. Пять лет он прожил в больнице, но уже не мог пошевелить ни руками, ни ногами и не промолвил больше ни звука»¹¹⁷. Эти домыслы особенно примечательны, и я полагаю, что Лавкрафт снова всего лишь пытается прийти к какому-либо заключе-

¹¹⁶ ИП 1.6 (прим. 7).

¹¹⁷ ИП 1.33 (прим. 10).

нию на основе намеков и откровенной лжи, которую ему рассказывали об отце. Я ни в коем случае не критикую мать Лавкрафта за то, что она скрывала от сына подробности заболевания Уинфилда: о таком точно не рассказывают трехлетним и даже восьмилетним детям. Более того, Лавкрафт вообще не был обязан откровенничать, даже с близкими друзьями и адресатами его писем, когда речь заходила о такой деликатной теме.

Думаю, Лавкрафт не очень много знал о болезни и обстоятельствах смерти отца и наверняка хотел узнать больше. Наиважнейший вопрос заключается в том, навещал ли он отца в больнице Батлера. Никаких однозначных указаний на это нет, однако ближе к концу жизни Лавкрафт заявляет, что «до 1924 года ни разу не переступал порог больниц»¹¹⁸, то есть он был уверен (или говорил так другим), что не приходил к отцу в период его болезни. Существуют предположения, что Лавкрафт все-таки навещал отца¹¹⁹, но документальных подтверждений тому нет. Эта догадка может быть основана на том, что Уинфилда дважды – 29 августа 1893 г. и 29 мая 1894 г. – выпускали «во двор», однако вряд ли в тот момент кто-либо, в том числе трех- или четырехлетний Лавкрафт с матерью, его посещал.

¹¹⁸ От Г. Ф. Л. к Д. В. Ш., 29 мая 1933 (ИП 4.191).

¹¹⁹ Джон Макиннис, «“The Colour out of Space” as the History of H. Lovecraft’s Immediate Family», по *H. P. Lovecraft Centennial Conference: Proceedings*, под. ред. С. Т. Джоши (West Warwick, RI: Necronomicon Press, 1991), 37.

Неразрешимой остается еще одна существенная проблема, она связана с провокационным заявлением из медицинской карты: «В последний год проявляются некоторые симптомы психического расстройства: временами пациент говорит странные вещи и совершает странные поступки». Такое врачам больницы Батлера мог рассказать тот, кто сопровождал Уинфилда во время госпитализации, то есть либо сама Сьюзи, либо Уиппл Филлипс. Возникает вопрос: насколько сам Лавкрафт осознавал, что отец странно себя ведет? Если вышеупомянутые симптомы проявились в апреле 1892 г., то они относятся к тому времени, когда семья еще жила в Дорчестере (если они на самом деле жили там в указанный период) и не переехала к Гини. Допустим, последние два года Уинфилд «работал на износ» (то есть примерно с начала 1891 г.), тогда отпуск в Дадли, вероятно, стал возможностью взять столь необходимую передышку? Опять же, нам остается только предполагать.

Пожалуй, важнее всего то, каким Лавкрафт запомнил отца и какие вещи сохранились на память о нем. Начнем с того, что ему досталось отцовское двухтомное издание «Войны и мира», о чем Лавкрафт с иронией писал: «Некоторые страницы в книге порезаны, однако форзац цел, значит, отец ее прочитал. Правда, он мог просто сидеть как-нибудь вечером и развлекаться, водя по книге ножом для бумаги»¹²⁰.

¹²⁰ От Г. Ф. Л. к Альфреду Галпину, 27 октября 1932; *Letters to Alfred Galpin* (Нью-Йорк: Hippocampus Press, 2003), 164. Данный том не указан в моем перечне

Это единственный раз, когда Лавкрафт упоминает об отце в шутовском тоне, во всех остальных случаях он говорит о нем серьезно или просто нейтрально.

У него сохранился отцовский экземпляр «Словаря английского языка» Джеймса Стормонта (первое издание выпущено в 1871 г., у Лавкрафта было дополненное издание 1885 г.), который, по словам Лавкрафта, «учился в Кембридже» и «высоко ценился отцом как консервативный авторитетный специалист»¹²¹. Это еще раз подтверждает утверждения Лавкрафта о том, что отец старался сохранить в себе английское происхождение. Отмечая, что «в Америке род Лавкрафтов выделялся на фоне гнусавых янки», он продолжает: «... отец намеренно избегал в речи типично американских слов, презирал вульгарный стиль одежды и провинциальные манеры, в связи с чем его, уроженца Рочестера, штат Нью-Йорк, почти все вокруг считали англичанином. До сих пор помню его четкий и утонченный британский акцент...»¹²² Думаю, не стоит дальше объяснять, почему и сам Лавкрафт сильно увлекался Англией, гордился Британской империей, предпочитал британский вариант написания слов и стремился развивать культурные и политические связи между Соединенными Штатами и Англией. Он пишет:

книг из библиотеки Лавкрафта, так как он отсутствовал на тот момент, когда Мэри Спинк вскоре после смерти автора составляла список имевшихся у него книг.

¹²¹ От Г. Ф. Л. к Д. В. Ш., 4 февраля 1934 (ИП 4.370).

¹²² От Г. Ф. Л. к М. У. М., 5 апреля 1931 (ИП 3.362).

«Моего отца зачастую называли “англичанином”... Тетушки помнят, что уже в три года я выпрашивал себе британский красный мундир и расхаживал в каком-то непонятном одеянии ярко-красного цвета, которое раньше служило верхней частью не самого мужественного костюма, а уж в живописном сочетании с килтом и вовсе делало меня похожим на представителя Королевского полка Шотландии. Правь, Британия!»¹²³

Примерно в шесть лет, «когда дедушка рассказал мне про Американскую революцию, я поразил всех, приняв совсем другую сторону... Дед поддерживал Гровера Кливленда, а же был предан Ее величеству Виктории, королеве Соединенного королевства Великобритании и Ирландии и императрице Индии. “Боже, храни королеву!” – без конца повторял я»¹²⁴. Не станем преувеличивать и предполагать, будто отец Лавкрафта побудил сына вступить за британцев в Американской революции, однако вполне очевидно, что родственники с материнской стороны, гордые янки, подобных взглядов не разделяли. Уинфилд Таунли Скотт сообщает, что один «друг семьи» называл отца Лавкрафта «напыщенным англичанином»¹²⁵. Похоже, речь идет об Элле Суини, учительнице, которая была знакома с Лавкрафтами еще

¹²³ ИП 3.363 (прим. 53).

¹²⁴ ИП 1.34 (прим. 10).

¹²⁵ Скотт, 11.

с момента их отпуска в Дадли, а ее слова Скотту передала Майра Х. Блоссер, подруга Суини¹²⁶. Чересчур «английское» поведение Уинфилда раздражало не только его ближайших родственников, но и людей за пределами семейного круга.

Интерес вызывает одно неподдельно искреннее воспоминание писателя о Уинфилде: «Прекрасно помню отца, как всегда в черном жакете, жилетке и серых брюках в полоску. Он выглядел безупречно. У меня была глупая привычка шлепать его по коленям и кричать: “Папа, ты совсем как молодой!” Не знаю, откуда взялась эта фразочка, но я любил производить впечатление на взрослых и повторять то, что им нравилось слышать»¹²⁷. Описание одежды Уинфилда – «безупречный черный сюртук с жилеткой, широкий аскотский галстук и серые брюки в полоску» – встречается и в более раннем письме, где Лавкрафт трогательно добавляет: «Я и сам иногда ношу его аскотские галстуки и стоячие воротнички, сохранившиеся в идеальном состоянии в связи с его внезапной болезнью и смертью...»¹²⁸ На фотографии семьи Лавкрафтов, сделанной в 1892 г., как раз можно увидеть Уинфилда в вышеописанном одеянии, а сам Лавкрафт запечатлен в отцовских вещах на снимке, который в 1915 г.

¹²⁶ От Майры Х. Блоссер к Уинфилду Таунли Скотту, дата не указана (рукоп., БДХ).

¹²⁷ ИП 4.355 (прим. 52). Эта же история упоминается и в письме от Г. Ф. Л. к Р. К., 16 ноября 1916; Письма к Рейнхарду Кляйнеру, 66 (этого отрывка нет в ИП).

¹²⁸ ИП 3.362 (прим. 53).

попал на обложку сентябрьского выпуска журнала «Объединенный любитель» (*United Amateur*).

Уинфилд Скотт Лавкрафт был похоронен 21 июля 1898 г. на участке Филлипсов на кладбище Суон-Пойнт в Провиденсе. Есть все основания полагать, что Говард ходил на похороны отца, хотя в краткой заметке в *Providence Journal* не говорится, кто конкретно присутствовал¹²⁹. То, что Уинфилда похоронили именно там (как отмечает Фейг¹³⁰), указывает на великодушие Уиппла Филлипса и, возможно, является подтверждением тому, что сам Уиппл и оплачивал лечение Уинфилда. После смерти Уинфилда его имущество оценили в довольно значительную сумму, 10 тысяч долларов¹³¹ (для сравнения – имущество Уиппла оценивалось всего в 25 тысяч), и вряд ли ему удалось бы сохранить такое состояние, если бы оно использовалось для оплаты постоянного пребывания в больнице на протяжении более пяти лет.

Госпитализация Уинфилда Скотта Лавкрафта привела к тому, что на Говарда, которому на тот момент было два с половиной года, стали сильнее всего влиять его мать, две тети (будучи незамужними, они еще жили в доме на Энджелл-стрит, 454), бабушка Роби, и особенно дедушка Уиппл. Естественно, на первых порах самое серьезное вли-

¹²⁹ . *Providence Journal* (21 июля 1898).

¹³⁰ Фейг, *Parents*, 7.

¹³¹ ИП 3.366–67 (прим. 53).

ание на него оказывала мама. Лавкрафт отмечает, что она «была все время убита горем»¹³² из-за болезни мужа, хотя невольно возникает вопрос, не примешивались ли к ее горю стыд и отвращение. Нам уже известно, что примерно в то же время и у самой Сюзи начались проблемы с психикой. В городском справочнике Провиденса с 1896 по 1899 г. Сюзи почему-то записана как «мисс Уинфилд С. Лавкрафт» – будь это ошибкой, вряд ли она встречалась бы в издании четыре года подряд.

Уиппл Ван Бюрен Филлипс неплохо сумел заменить Лавкрафту отца, которого тот почти и не знал. Все становится понятно после простых слов писателя: «Мой любимый дедушка... стал центром всей моей вселенной»¹³³. Уиппл помог внуку избавиться от страха темноты, заставив в возрасте пяти лет пройти через несколько темных комнат в доме на Энджелл-стрит, 454¹³⁴, он показывал Лавкрафту предметы искусства, привезенные из Европы, писал ему письма из командировок и даже рассказывал мальчику сочиненные на ходу странные истории. Подробнее об этом я расскажу позже, сейчас же просто хочу показать, что в понимании Лавкрафта Уиппл полностью вытеснил Уинфилда. В 1920 г. Лавкрафту приснился сон, вдохновивший его на написание судьбоносного рассказа «Зов Ктулху» (1926). Во сне он создал баре-

¹³² ИП 1.33 (прим. 7).

¹³³ Там же.

¹³⁴ От Г. Ф. Л. к Марион Ф. Боннер, 4 мая 1936 (ИП 5.244).

льеф и отнес его в музей, где на вопрос зрителя о том, кто он такой, Лавкрафт ответил: «Меня зовут Говард Лавкрафт, я внук Уиппла Филлипса»¹³⁵. Он не представился как «сын Уинфилда Скотта Лавкрафта». Уиппл Филлипс умер за шестнадцать лет до того, как Лавкрафту приснился этот сон.

Итак, Уиппл практически заменил ему отца, и Говард с матерью начали жить вполне нормальной жизнью. Уиппл еще был при деньгах и обеспечил Лавкрафту счастливое детство, часто баловал внука. Лавкрафт уже в ранние годы обратил внимание на место своего жительства и не раз подчеркивал его сходство с тихой деревенькой, ведь тогда дом располагался на самой окраине развитой части города:

«... я родился в 1890 г. в небольшом городке, в той его части, которая в моем детстве находилась не далее чем в четыре кварталах (к северо-востоку) от первозданной сельской местности Новой Англии: бескрайние луга, каменные стены, колея от повозок, ручейки, густые леса, таинственные ущелья, высокие обрывы над рекой, засеянные поля, старинные фермы, амбары и коровники, сады с сучковатыми деревьями, величественные и одинокие вязы – все истинные признаки деревенской обстановки, ничуть не изменившиеся с семнадцатого и восемнадцатого веков... Мой родной дом, однако, был городским, к нему прилагался большой земельный участок. Стоял он

¹³⁵ От Г. Ф. Л. к Р. К., 21 мая 1920 (ИП 1.115).

на мощеной улице неподалеку от поля, огороженного каменной стеной... У нас росли гигантские вязы, дедушка сажал кукурузу и картошку, а за коровой присматривал садовник»¹³⁶.

Приведенные воспоминания Лавкрафта относятся к возрасту трех-четырёх лет, не раньше. В одном из поздних писем он говорит: «Когда мне было три года, я ощущал странное волшебство и очарование (к которым, правда, примешивалась легкая тревога и чуточка страха) в старинных домах на почтенном холме Провиденса... Все эти веерообразные окошки над входными дверьми, перила вдоль лестниц и кирпичные дорожки в саду...»¹³⁷

Мало кто обращает внимание на то, что возвращение из Оберндейла в Провиденс позволило Лавкрафту вырасти истинным уроженцем Род-Айленда, а не Массачусетса, чему он сам придает большое значение в одном из ранних писем, говоря, что переезд в дом Филлипсов «заставил меня вырасти настоящим род-айлендцем»¹³⁸. Тем не менее в Лавкрафте сохранилась и любовь к Массачусетсу с его колониальным наследием: писателю нравились города Марблхед, Салем и Ньюберипорт, а также сельские районы в западной части штата. Однако из-за пуританской теократии, так сильно отличавшейся от религиозной свободы в Род-Айленде,

¹³⁶ От Г. Ф. Л. к Ф. Б. Л., 27 февраля 1931 (ИП 3.317).

¹³⁷ От Г. Ф. Л. к Д. В. Ш., 8 ноября 1933 (рукоп.).

¹³⁸ ИП 1.33 (прим. 10).

Массачусетс стал для писателя «другим» и в географическом, и в культурном плане – он считал этот штат одновременно привлекательным и отталкивающим, знакомым и чужим. Немного забегая вперед, стоит отметить, что в рассказах Лавкрафта действие намного чаще происходит в Массачусетсе, нежели в Род-Айленде. К тому же с ужасами, творящимися в Род-Айленде, обычно удается покончить, тогда как в Массачусетсе страшные существа мучают людей на протяжении многих веков.

Лавкрафт ясно дает понять, что еще с раннего возраста питал любовь к старинным местам родного города:

«... как же я таскал за собой маму по древнему холму, когда мне было около четырех или пяти лет! Не знаю, что именно я там искал, но вековые дома производили на меня очень сильное впечатление: все эти веерообразные окошки, дверные молотки, лестницы с перилами и окна с мелкой расстекловкой... Я понимал, что этот мир значительно отличается от окружавшего меня с рождения викторианского стиля с мансардными крышами, зеркальными стеклами, бетонными тротуарами и широкими газонами. В этом волшебном мире за пределами привычного мне района чувствовалась истинность»¹³⁹.

Как тут не вспомнить молодого Чарльза Декстера Варда из рассказа Лавкрафта, чьи «знаменитые прогулки начались»,

¹³⁹ От Г. Ф. Л. к Хелен Салли, 24 ноября 1933 (рукоп., БДХ).

когда он был совсем еще маленьким мальчиком и «сначала нетерпеливо тащил за руку свою няню, потом ходил один, предаваясь мечтательному созерцанию»? Сочетание удивления и ужаса, с коим юный Лавкрафт познавал Провиденс, наводит меня на мысль об одном письме от 1920 г., в котором он пытается определить основы своего характера: «... я назвал бы свою натуру тройственной, так как мои интересы относятся к трем параллельным и не связанным между собой категориям: а) любовь ко всему странному и фантастическому, б) любовь к абстрактной правде и научной логике, в) любовь ко всему древнему и постоянному. Различными комбинациями этих интересов, пожалуй, и можно объяснить все мои причуды и необычные вкусы»¹⁴⁰. Это действительно очень удачное описание, и далее мы увидим, что интересы из этих трех категорий проявились в первые восемь-девять лет его жизни. Внимания заслуживает именно идея о «сочетании» интересов, а точнее, вероятности того, что третья черта (которая, если верить Лавкрафту, зародилась в нем прежде остальных) и прямо, и косвенно привела к развитию первой.

В частности, уже в раннем детстве Лавкрафт стал четко ощущать время «как своего особого врага»¹⁴¹, который постоянно хочет нанести поражение, поставить в тупик или вообще уничтожить. Порой он пытался понять, куда уходит корнями это чувство, и в одном письме перечислил некоторые

¹⁴⁰ От Г. Ф. Л. к Р. К., 7 марта 1920 (ИП 1.110).

¹⁴¹ См. прим. 68.

варианты: иллюстрации в какой-то книге, которые он внимательно рассматривал в возрасте двух с половиной или трех лет, еще до того, как научился читать; старинные дома и башни Провиденса, а также «пленительное уединение с книгами восемнадцатого века на темном чердаке без окон»¹⁴² — похоже, все это сыграло определенную роль. Лавкрафт рассказывает о том, как впервые отчетливо осознал ход времени:

«Когда я увидел на газетах напечатанную яркими чернилами дату: ВТОРНИК, 1 ЯНВАРЯ 1895 г. 1895 год! Для меня 1894-й казался целой вечностью, такой далекой от 1066, 1492, 1642 или 1776 года, и мысль о том, что я пережил эту вечность, невероятно меня поражала... Никогда не забуду ощущение того, что я сам двигаюсь сквозь время (если можно вперед, то почему не назад?), возникшее у меня при виде даты с новым, 1895 годом»¹⁴³.

В поздние годы Лавкрафту частенько хотелось вернуться в прошлое, и это желание отображено во многих его рассказах, где герои попадают даже не в восемнадцатый век, а в доисторический мир на сотни миллионов лет назад.

«Темный чердак без окон» в доме на Энджелл-стрит, 454, как раз и стал для Лавкрафта проводником к поразительно-му интеллектуальному развитию, которое с ранних лет включало интерес не только ко всему старинному, но и к зага-

¹⁴² Там же.

¹⁴³ ИП 4.357 (прим. 52).

дочным историям, художественной литературе и науке. Лавкрафт не раз повторял, что научился читать в возрасте четырех лет, и одной из его первых книг стали «Сказки братьев Гримм». Известно, какое именно издание сказок у него было (точнее, у его семьи), но он определенно читал версию с купюрами, предназначенную для детей. Мы также не знаем, почерпнул ли Лавкрафт что-нибудь у братьев Гримм; однажды он просто отметил, что «сказки составляли мой типичный рацион, и я почти все время жил в средневековом мире фантазий»¹⁴⁴. Некоторые из них крайне своеобразны, например, в «Сказке о том, кто ходил страху учиться» рассказывается о молодом человеке, который ничего не боялся и пошел в замок с привидениями, где невозмутимо дал отпор разным сверхъестественным существам. К концу истории он так и не научился испытывать страх. Эти образы могли стать вдохновением для Лавкрафта, хотя нельзя с точностью утверждать, что данная сказка имелась в том самом издании.

На следующий год, в возрасте пяти лет, Лавкрафт открыл для себя «Книгу тысячи и одной ночи», ставшую основополагающей в его художественном развитии. Информация о том, какое издание он читал, довольно противоречива. В его библиотеке хранился экземпляр под редакцией Эндрю Лэнга (Лондон: *Longmans, Green*, 1898), который Лавкрафту подарила мама; на книге есть дарственная надпись ее почерком: «Говарду Филлипсу Лавкрафту от мамы на Рожде-

¹⁴⁴ ИП 1.34 (прим. 10).

ство 1898 г.». Получается, в возрасте пяти лет он не мог читать данное издание, переведенное Лэнгом (и наверняка сокращенное) с французского перевода Галлана. В то время вышло несколько разных изданий «Тысячи и одной ночи», и среди самых популярных было шестнадцатитомное в знаменитом переводе сэра Ричарда Бертона (1885–1886). Эту книгу Лавкрафт тоже вряд ли читал, поскольку она печаталась без цензуры и, как и некоторые предыдущие издания, показывала, что «Книга тысячи и одной ночи» на самом деле довольно непристойное произведение. (Интересно, что в нескольких сказках с возмущением упоминаются случаи сексуальных отношений между чернокожими мужчинами и женщинами-мусульманками, а Лавкрафт в дальнейшем придерживался расистских взглядов.) Могу предположить, что он читал какое-то из этих трех переводных изданий:

«Арабские ночи: шесть историй». Под редакцией Сэмюэля Элиота, перевод Джонатана Скотта. Одобрено для использования в школах Бостона. Бостон: «Ли энд Шепард»; Нью-Йорк: «Си Ти Диллингтон», 1880.

«Тысяча и одна ночь», Чикаго и Нью-Йорк: «Бедфорд, Кларк энд Ко», 1885.

«Арабские ночи». Под редакцией Эверетта Х. Хейла; [перевод Эдварда Уильяма Лейна]. Бостон: «Гинн энд Ко», 1888.

Перевод Лейна выдержал множество переизданий, однако

это не самое важное. Важно то, какое впечатление произвела книга на Лавкрафта:

«... хотел бы я знать, сколько воображаемых арабов породила “Книга тысячи и одной ночи”, потому что в пять лет я и сам был одним из них! Тогда я еще не был знаком с греко-римскими мифами, и именно книга Лейна открыла для меня великолепный мир чудес и свободы. Я придумал себе новое имя – Абдул Альхазред – и попросил маму сводить меня в магазин восточных сувениров, чтобы обустроить в комнате арабский уголок»¹⁴⁵.

Здесь мы встречаем как минимум два ложных утверждения. Во-первых, как я уже отмечал, в том возрасте Лавкрафт точно не мог читать издание Лэнга. (А в 1898 г. Сьюзи подарила ему эту книгу на Рождество как раз потому, что Говарду она очень нравилась.) Во-вторых, он по-разному объясняет происхождение имени Абдул Альхазред. В самом значительном автобиографическом очерке «Кое-какие заметки о ничтожестве» (1933), написанном примерно за два года до процитированного выше письма (в котором говорится, что имя он придумал сам), Лавкрафт сообщает, что имя Абдул Альхазред ему «сочинил кто-то из взрослых как типичное арабское имя». В другом письме дается более подробное разъяснение: «Точно не знаю, откуда взялось это имя Абдул Альхазред. Если верить смутным воспоминаниям, его мне под-

¹⁴⁵ От Г. Ф. Л. к Р. И. Г., 16 января 1932 (ИП 4.8).

сказал кое-кто из старших, а именно наш семейный поверенный, только не помню, то ли я попросил его придумать для меня арабское имя, то ли предложил оценить уже имевшийся у меня вариант»¹⁴⁶. Семейным поверенным был Альберт А. Бейкер, остававшийся законным опекуном Лавкрафта до 1911 года. Если имя действительно выдумал он, то с точки зрения арабской грамматики оно звучит совершенно неудачно, так как Бейкер использовал артикль два раза подряд (Абдул Аль хазред). Более правильным был бы вариант Абд эль-Хазред, однако звучит не так красиво. В любом случае, как известно всем читателям Лавкрафта, выбранное имя осталось с ним надолго.

Может, «Тысяча и одна ночь» и не направила Лавкрафта напрямик к миру «странный прозы», но уж точно не мешала его интересам развиваться в этом направлении. Мало кто отмечает, что лишь в небольшом количестве сказок из этого цикла присутствует нечто сверхъестественное, и даже прославленная история о Синдбаде, по сути, представляет собой лишь рассказ о морских приключениях. Конечно, там упоминаются могилы, пещеры, заброшенные города и многое другое, что оставило свой след на воображении Лавкрафта, но это все же легенды, в которых потустороннее показывается не ужасающим отклонением от законов природы, а

¹⁴⁶ От Г. Ф. Л. к Р. И. Г., 16 января 1932; *A Means to Freedom: The Letters of H. P. Lovecraft and Robert E. Howard* (New York: Hippocampus Press, 2009), 1.265 (данного отрывка нет в ИП).

скорее чудом, на которое обращают не так уж много внимания.

Окончательно подтолкнуть Лавкрафта к миру «странного» могла неожиданная находка: в возрасте шести лет он обнаружил в доме у друга семьи «Сказание о старом мореходе» Кольриджа с иллюстрациями Гюстава Доре. По всей вероятности, американское издание поэмы («Сказание о старом мореходе», Нью-Йорк: «Харпер энд бразерс», 1876), которое выдержало много последующих тиражей. Вот какое впечатление произвела поэма вместе с рисунками на юного Лавкрафта:

«... представьте величественную викторианскую библиотеку с высокими шкафами в доме, куда я ходил в гости вместе с мамой или тетусками. Мраморная каминная полка, плотный ковер в виде медвежьей шкуры и бесконечные полки с книгами... Там собирались одни только взрослые, поэтому мой интерес, естественно, сразу привлекли книжные полки, огромный стол и камин. Вообразите, как я был рад увидеть на каминной полке огромную, размером с атлас, книгу в подарочном оформлении с позолоченной надписью на обложке “С иллюстрациями Гюстава Доре”. Название книги меня не волновало, потому что я уже был знаком с волшебными и мрачными рисунками Доре по книгам Данте и Мильтона. Я открыл ее, и моему взору предстал совершенно жуткий корабль-призрак с рваными парусами в тусклом

свете луны! Перевернул страницу... Боже! Снова этот фантастический полупрозрачный корабль, а на палубе скелет с мертвецом играют в кости! К этому моменту я уже улегся на медвежьей шкуре и был готов целиком пролистать всю книгу... о которой раньше ничего не слышал... Морские воды, кишачие разлагающимися змеями, страшные костры, пляшущие в темноте... войска ангелов и демонов... безумные, умирающие, изуродованные существа... гниющие трупы безжизненно возятся с промокшими снастями обреченного судна...»¹⁴⁷

Как такому не поддаться? Если Лавкрафт читал книгу Кольриджа в шесть лет, то, скорее всего, в период между августом 1896 г. и августом 1897 г. Возможно, речь идет о доме Теодора У. Филлипса, кузена Уиппла, который жил неподалеку на Энджелл-стрит, в доме № 256 (позже стал № 612), однако Лавкрафт называет его домом «друга» (имея в виду друга семьи), а под «другом» он вряд ли мог иметь в виду двоюродного деда. Итак, хотя «Сказание о старом мореходе» оказало значительно влияние на развитие интереса Лавкрафта ко всему странному, повлияло на него и печальное событие, коснувшееся его лично.

Дед Лавкрафта по отцу умер в 1895 г., но это никак не затронуло будущего писателя и его семью; более того, он утверждает, будто никогда не виделся с дедушкой по отцов-

¹⁴⁷ См. прим. 68.

ской линии¹⁴⁸, что, вероятно, указывает на степень отстраненности Лавкрафтов от Филлипсов, в особенности после госпитализации Уинфилда Скотта Лавкрафта (или же их отношения всегда были таковыми). А вот то, что произошло 26 января 1896 г., серьезно сказалось на мальчике, которому тогда было пять с половиной лет: в тот день умерла Роби Альцада Плейс Филлипс, его бабушка по матери.

На Лавкрафта, вероятно, подействовала даже не горечь от потери родного человека, ведь он не был особенно близок с бабушкой, а состояние остальных членов семьи: «... после смерти бабушки наш дом пришел в уныние, от которого больше не оправился. Меня так сильно пугали и отталкивали черные одеяния мамы и тетюшек, что я тайком прикалывал к их юбкам лоскуты яркой ткани или кусочки бумаги, и тогда мне становилось хоть немного легче. И перед выходом на улицу или к гостям им приходилось внимательно осматривать свою одежду!» Хотя спустя двадцать лет после того события Лавкрафт вспоминал его в полушутливом тоне, все равно очевидно, что случившееся произвело на него глубокое впечатление. Последствия были кошмарны в прямом смысле слова:

«А затем от моего прежде приподнятого настроения не осталось и следа. Мне начали сниться самые что ни на есть отвратительные кошмары, населенные существами, которых я прозвал “ночными мверзями” —

¹⁴⁸ ИП 1.31 (прим. 10).

сам придумал это слово. Проснувшись, я частенько их рисовал (возможно, на мое воображение повлияли иллюстрации Доре из “Потерянного рая”, на эту книгу я однажды наткнулся в гостиной в восточном крыле). Во сне существа кружили меня с такой скоростью, что становилось дурно, и при этом толкали меня своими мерзкими трезубцами. Прошло уже целых пятнадцать лет – или даже больше, – с тех пор как я последний раз видел “ночного мверзья”, но когда меня одолевает дремота или мысли уносятся к детским воспоминаниям, я по-прежнему ощущаю некий страх... и инстинктивно стараюсь проснуться. В 96-м каждую ночь я молился лишь о том, чтобы не заснуть и не встретиться с “ночными мверзьями”!»¹⁴⁹

Вот так и начался путь Лавкрафта в качестве одного из величайших фантазеров или, если быть точнее, выдумщика кошмаров в истории литературы. Лишь спустя десять лет с момента написания этого письма и целых тридцать лет после увиденных им кошмаров Лавкрафт упомянет «ночных мверзей» в своем произведении, но уже становится ясно, что в его детских фантазиях содержалось множество идей и образов, ставших основой для его работ: космический контекст, крайне необычная сущность злобных созданий (в одном из поздних писем он описывает их так: «тощие кожистые существа черного цвета без лиц, зато с оголенными шипасты-

¹⁴⁹ ИП 1.34–35 (прим. 10).

ми хвостами и крыльями, как у летучих мышей»¹⁵⁰), которые заметно отличались от привычных демонов, вампиров и призраков, а также беспомощность главного героя и жертвы, столкнувшегося с силами куда более могущественными по сравнению с ним. Конечно, на развитие теории и практики «странной прозы» у Лавкрафта уйдет немало времени, но с учетом того, какие сны он видел в детстве – а в последний год жизни он признался, что кошмары продолжали его мучить, «хотя самые ужасные из них не сравнятся с 1896-м»¹⁵¹, – Лавкрафту, похоже, было суждено стать писателем в жанре ужасов.

Однако родные Лавкрафта, и особенно мать, сильно переживали за его физическое и психическое здоровье, когда начались эти кошмары, и мальчик частенько пребывал в подавленном состоянии. Позже Лавкрафт не раз упоминает о поездке на запад Род-Айленда, состоявшейся в 1896 г., но не говорит, какова была ее цель. Нетрудно догадаться, что путешествие по родным местам предков семьи отчасти стало попыткой избавить Говарда от кошмаров и поправить его здоровье. Опять же, возможно, и всей семье: скорбящему вдовцу Уипплу и Лилли, Сьюзи и Энни, дочерям Роби, – тоже нужно было развеяться. (Они не собирались хоронить Роби в Фостере: она упокоилась на семейном участке Филлипсов на кладбище Суон-Пойнт.)

¹⁵⁰ От Г. Ф. Л. к Верджилю Финлэю, 24 октября 1936 (ИП 5.335).

¹⁵¹ ИП 5.244 (прим. 65).

Лавкрафт рассказывает о посещении фермы Джеймса Уитона Филлипса (1830–1901), старшего брата Уиппла, на Джонсон-роуд в Фостере, где он провел две недели¹⁵². Не совсем понятно, кто именно ездил туда вместе с Лавкрафтом, но наверняка там была его мать и, вероятно, обе тетушки. Старинный дом, расположившийся у подножия холма близ луга, прорезанного извилистым ручейком, не мог не порадовать Лавкрафта, любителя сельских просторов и вековых строений, однако самое большое впечатление на него оказало другое событие, связанное с его, вероятно, первой основной победой над личным врагом по имени Время:

«В 1896 г., когда мне было шесть, мы поехали на запад Род-Айленда, откуда родом мои предки по материнской линии, и там я познакомился с одной престарелой леди, дочерью мятежного офицера, восставшего против законной власти Его величества. Миссис Вуд не без гордости отмечала свой столетний юбилей. Она родилась в 1796 году и научилась ходить и говорить примерно в то время, когда Джордж Вашингтон сделал последний вдох. И вот я общаюсь с ней в 1896 году, с женщиной, которая застала мужчин в париках и шляпах-треуголках и учебники со старой орфографией! Хотя я был совсем еще мал, осознание этого помогло мне ощутить вселенскую победу над Временем...»¹⁵³

¹⁵² От Г. Ф. Л. к Ф. Б. Л., 26 октября 1926 (ИП 2.84).

¹⁵³ От Г. Ф. Л. к А. Д., 9 сентября 1931 (ИП 3.409).

Близкое общение с человеком, жившим в горячо любимом Лавкрафтом восемнадцатом веке, не повлияла бы на него так сильно, если бы он не заинтересовался той эпохой благодаря книгам с «темного чердака без окон» в доме на Энджелл-стрит, 454. И все же не совсем ясно, в каком именно возрасте Лавкрафт стал постоянно наведываться на чердак. Должно быть, ему было лет пять или шесть. В 1931 г. он говорил, что «я, наверное, единственный из ныне живущих, для кого язык прозы и поэзии восемнадцатого века является практически родным», и вот чем он это объяснял:

«Дома все книжные шкафы в библиотеке, гостиных и столовой были забиты викторианской чепухой, а “старичков” в коричневых переплетах... отправили в ссылку на чердак без окон на третьем этаже. И что же мне оставалось? Ничего, кроме как вооружиться свечой и керосиновой лампой и, оставив позади залитую солнцем лестницу века девятнадцатого, отправиться в этот мрачный тайник, где я путешествовал по концу семнадцатого, восемнадцатому и началу девятнадцатого века, листая бесконечные тома всех размеров и жанров: журналы и газеты “Спектейтор”, “Тэтлер”, “Гардиан”, “Айдлер”, “Рэмблер”, книги Драйдена, Поупа, Томсона, Янга, Тикелла, Гесиода в переводе Кука, Овидия в разных переводах, Горация и “Федру” в переводе Фрэнсиса и так далее...»¹⁵⁴

Просто чудо, что пользовавшийся свечой и керосиновой

¹⁵⁴ ИП 3.407–8 (прим. 84).

лампой Лавкрафт не сжег весь дом. «К счастью, все эти книги сохранились в моей скромной библиотеке и составили ее *основу*», – добавлял он. Действительно, его коллекция книг, изданных в восемнадцатом веке или ему посвященных, впечатляет. Исходя из вышеупомянутого списка и с учетом книг из библиотеки Лавкрафта можно сделать вывод: больше всего среди литературы восемнадцатого века его интересовала поэзия и документальные труды. Он также часто отмечал, что не очень-то жаловал ранних романистов, мол, в изображении восемнадцатого века Филдингом «есть нечто такое, что сильно огорчает мистера Аддисона, доктора Джонсона, мистера Купера, мистера Томсона и всех моих лучших друзей»¹⁵⁵. Что в молодом, что в более взрослом возрасте Лавкрафта не радовали ни сексуальная откровенность Филдинга, ни шутовство Смоллетта, ни Стерн с его низвержением рационализма восемнадцатого века.

Увлечение тем периодом, и в особенности поэзией восемнадцатого века, косвенным образом пробудило в Лавкрафте еще более важный литературный и философский интерес к классической античности. В шесть лет¹⁵⁶ он прочитал «Книгу чудес» (1852) и «Тэнглвудские истории» (1853) Готорна и заявил, что «восхищался греческими мифами даже в гер-

¹⁵⁵ От Г. Ф. Л. к Ф. Б. Л., 8 января 1924 (ИП 1.282).

¹⁵⁶ По ИП 2.107 (прим. 3); в ИП 1.7 (прим. 7) Г. Ф. Л. относит знакомство с античностью к возрасту семи лет, но вскоре станет ясно, что это, скорее всего, ошибка.

манизированной форме» («Исповедь неверующего»). Здесь Лавкрафт лишь вторит самому Готорну, который писал в предисловии к «Книге чудес»: «В этой версии [мифы], возможно, утратили свое истинное лицо... и приняли более готический или романтический облик»¹⁵⁷. Эти истории переданы в разговорном стиле, каждый миф детям рассказывает студент колледжа Юстас Брайт. В «Книге чудес» есть мифы о Персее и горгоне Медузе, короле Мидасе, Пандоре, золотых яблоках Гесперид, Филемоне и Бавкиде и о Химере. В «Тэнглвудских историях» упоминаются Минотавр, пигмеи, зубы дракона, дворец Цирцеи, зерна граната и золотое руно. Хотя многие из этих мифов имеют греческое происхождение, Готорн, по всей вероятности, во многом полагался на подробности из «Метаморфоз» Овидия, в которых, например, впервые была рассказана история о Филемоне и Бавкиде.

От Готорна Лавкрафт вполне логично перешел к «Веку сказаний» (1855) Томаса Булфинча, первой в серии из трех его книг с упрощенными пересказами мифов, которая вместе с последующими – «Веком рыцарства» (1858) и «Легендами о Карле Великом» (1863) – составляет «Мифологию Булфинча». Сомневаюсь, что Лавкрафт читал второй и третий тома, поскольку период Средневековья его никогда не интересовал. Экземпляр «Века сказаний» из его библиотеки

¹⁵⁷ Натаниэль Готорн, «*Preface*» to *A Wonder-Book, A Wonder-Book, Tanglewood Tales, and Grandfather's Chair* (Boston: Houghton Mifflin, 1883), 13.

был опубликован в 1898 г., значит, он читал более раннее издание, а эту книгу приобрел (или получил в подарок) позже.

Неудивительно, что после прочтения книги Булфинча Лавкрафт заинтересовался греко-римской мифологией, ведь простота его изложения очаровывает даже по прошествии полутора веков, а набожность кажется наивной и бесхитростной: «Проблема сотворения мира вызывает самый живой интерес у людей, этот мир населяющих. У древних язычников, не обладавших информацией, которую мы можем почерпнуть со страниц Библии, был свой взгляд на эту историю...»¹⁵⁸ Лавкрафт, надо думать, и вовсе не принимал это во внимание. Большую часть мифов Булфинч тоже взял из «Метаморфоз» Овидия и даже подражал его манере изложения, используя настоящее время в кульминации сюжета.

Примерно в то же время Лавкрафт ознакомился и с самими «Метаморфозами» Овидия, в которых так удачно объединились его зарождавшаяся любовь к классическим мифам и уже развившийся интерес к поэзии восемнадцатого века. В библиотеке его деда сохранилось издание Овидия в потрясающем переводе 1717 г., собранном сэром Сэмюэлем Гартон из отрывков ранее изданных переводов (Драйден целиком перевел Книги I и XII и частично остальные; Конгрив сделал перевод отрывка из Книги X). Заполнить пробелы в переводе Лавкрафт призвал как выдающихся (Поуп, Адди-

¹⁵⁸ Томас Булфинч, *Bulfinch's Mythology* (New York: Modern Library, дата не указана), 15.

сон, Гей, Николас Роу), так и менее известных (Лоуренс Эйсден, Артур Мейнуоринг, Сэмюэл Кроксолл, Джеймс Вернон, Джон Озелл) поэтов. Сам Гарт, будучи не менее талантливым поэтом – у Лавкрафта хранился экземпляр его медицинской поэмы «Аптека для бедных» (1699), – перевел Книгу XIV и часть Книги XV. Результатом стало пышное изобилие изящных двустиший, написанных пятистопным ямбом, которые вместе составили тысячи бесконечных строк. Неудивительно, что «даже десятисложный стих не оставил меня равнодушным, и тотчас же я стал преданным поклонником этого размера...»¹⁵⁹. Судя по всему, Лавкрафт читал двухтомное издание Овидия («Харпер энд бразерс», 1837), во второй части которого (только она и хранилась в библиотеке писателя) были опубликованы «Метаморфозы» и «Письма героинь» («Героиды»).

Знания об Античности Лавкрафт черпал не только из книг. В одном из поздних писем он рассказывает о самых разных вещах, повлиявших еще в детстве на его интерес к древней истории:

«... так вышло, что в одной детской книге, которую я проглотил в шесть лет, был очень красочный раздел, посвященный Риму и Помпеям, а еще совершенно случайно года в три-четыре меня невероятно впечатлил железнодорожный виадук в Кантоне, что по дороге из Провиденса в Бостон, впечатлили его массивные

¹⁵⁹ ИП 1.7 (прим. 7).

каменные арки, смахивающие на древнеримские акведуки... в связи с этим мама рассказала мне, что подобные арки начали повсеместно сооружать как раз древние римляне, она описала, как выглядели эти громадные акведуки... а позже я увидел их на картинках...»¹⁶⁰

Уиппл Филлипс тоже внес свою лепту в развитие страстного интереса Лавкрафта к Риму: «Он любил поразмышлять среди руин древнего города и привез из Италии множество мозаик... картин и других предметов искусства, в основном связанных с Древним Римом, а не с современной Италией. Он все время носил мозаичные запонки, на одной было изображение Колизея (*крошечное, но вполне достоверное*), на другой – римского форума»¹⁶¹. Из поездок Уиппл привозил домой старинные монеты и картинки с изображением римских руин: «Невозможно передать тот благоговейный *трепет* и *странное чувство близости*, что я испытывал при виде монет, изготовленных настоящими граверами на древнеримских монетных дворах, монет, которые двадцать веков назад переходили из рук в руки древних римлян»¹⁶². В гостиной на первом этаже дома на Энджелл-стрит, 454, на позолоченном пьедестале стоял полноразмерный древнеримский бюст.

¹⁶⁰ От Г. Ф. Л. к Ричарду Ф. Сирайту, 26 января 1935; *Letters to Richard F. Searight*, 44.

¹⁶¹ ИП 1.33 (прим. 10).

¹⁶² От Г. Ф. Л. к К. Э. С., 13 декабря 1933 (ИП 4.335).

Разумеется, в том числе и по этой причине Лавкрафт всегда предпочитал древнеримскую культуру древнегреческой, хотя на его предпочтения повлияли и другие философские и эстетические аспекты, а также черты его характера. В 1931 г. писатель признался в письме Роберту И. Говарду, великому стороннику варварства: «Я понимаю, что римляне были крайне простым народом, питавшим слабость ко всем практическим принципам, которые я презираю; куда им до греческих гениев и чарующих северных варваров. И все же, представляя себе жизнь до 450 г. н. э., я думаю исключительно о Древнем Риме!»¹⁶³

Чтение Готорна, Булфинча и Овидия в переводе Гарта быстро привело к тому, что «я совершенно забыл о своем багдадском имени и обо всем, с ним связанном, ведь волшебство ярких арабских шелков меркло перед благоухающими священными рощами, перед сумрачными лугами, которые населяли фавны, перед манящей голубизной Средиземного моря» («Исповедь неверующего»). В итоге все это привело к тому, что Лавкрафт стал писателем.

Трудно сказать, к какому году относятся первые литературные труды Лавкрафта. Он утверждает, что начал заниматься сочинительством в шесть лет: «В моих стихотворных пробах пера, первые из которых я предпринял в возрасте шести лет, теперь появился грубый внутренний ритм, свой-

¹⁶³ От Г. Ф. Л. к Р. И. Г., 30 января 1931 (ИП 3.283).

ственный балладам, и я воспевал деяния Богов и Героев»¹⁶⁴. Таким образом, можно сделать вывод, что сочинять стихи Лавкрафт начал еще до знакомства с Античностью, однако именно страстный интерес к древним временам побудил его снова взяться за поэзию, на сей раз сделав выбор в пользу классических тем. Ни одно из этих произведений до нас не дошло, а самой ранней из сохранившихся поэтических работ является «второе издание» «Поэмы об Улиссе, или Одиссеи: в пересказе для детей». В этой аккуратно сделанной книжечке есть предисловие, сведения об авторских правах и титульный лист, на котором написано:

УЛИСС,
или *Одиссей*
В ПЕРЕСКАЗЕ ДЛЯ ЮНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ
Эпическая поэма,
написанная простым староанглийским размером
Автор: Говард Лавкрафт

Данное издание, судя по отметке в предисловии, относится к 8 ноября 1897 г., а «первое» было написано чуть раньше в том же году, еще до седьмого дня рождения Лавкрафта 20 августа 1897 г.

На странице со сведениями об авторских правах Лавкрафт указывает: «По мотивам “Одиссеи” в переводе Поупа, “Мифологии” Булфинча и “Книг на полчаса” от “Харперс”». Затем он любезно добавляет: «Первым эту поэму написал

¹⁶⁴ ИП 1.7 (прим. 7).

Гомер». В серию «Книги на полчаса» от издательства «Харперс» входили небольшие сборники очерков, стихов, пьес и других произведений малого объема, каждый из которых можно было прочитать за полчаса. Такие книги продавали по двадцать пять центов. Впрочем, ни «Одиссея», ни другие произведения Гомера в данной серии не издавались, поэтому могу предположить, что речь идет об «Основах греческой литературы» Юджина Лоуренса (1879), где, возможно, кратко пересказывался и сюжет «Одиссеи». В «Исповеди неверующего» Лавкрафт говорит, что это была «тоненькая книжка из личной библиотеки моей старшей тетушки» (Лиллиан Д. Филлипс). Если к семи годам Лавкрафт и правда уже целиком прочитал «Одиссею» в переводе Поупа, то это поразительно (правда, неизвестно, упоминал ли он Поупа как первоисточник в «первом издании» своей поэмы), но если прочитать творение Лавкрафта, состоящее из восьмидесяти восьми строк, сразу станет ясно, что ни его стихотворный размер, ни сюжет на переводе Поупа (объемом в четырнадцать тысяч строк) не основаны. Вот так начинается поэма Лавкрафта:

Была ночь темна! Читатель, постой!
Узри флот Одиссея!
Трубы гремят, спешит он домой,
Надеясь на встречу с женой¹⁶⁵.

¹⁶⁵ Здесь и далее стихи Лавкрафта приводятся в подстрочном переводе.

На Поупа это вовсе не похоже, но напоминает что-то другое.

Меж снежных трещин иногда
Угрюмый свет блеснет:
Ни человека, ни зверей, —
Повсюду только лед¹⁶⁶¹⁶⁷.

А вот и наш давний друг, старый мореход из поэмы Кольриджа. Лавкрафт даже переплюнул оригинал и добавил в написанный пятистопным ямбом стих серединную рифму (тогда как Кольридж местами вольничает и пропускает ее или же вставляет через раз). Также Лавкрафт, в отличие от Кольриджа, не разделяет свою поэму на строфы. Хотя писатель на удивление часто упоминает «Поэму об Улиссе» в своих очерках и письмах, он ни разу не говорит, что подражал стихотворному размеру Кольриджа. В 1926 г. Лавкрафт отмечал: «Я знал наизусть так много стихов, что прекрасно понимал, насколько плохи были “вирши”, написанные мной в возрасте шести лет», после чего он добавляет, что улучшить навыки стихосложения ему помогла книга Абнера Олдена «Читатель» (1797). Лавкрафт изучал третье издание данного труда (1808) и позже заявил: «Как раз нечто подобное я

¹⁶⁶ Перевод Н. Гумилева.

¹⁶⁷ Кольридж, сборник стихов, под ред. Эрнеста Хартли Кольриджа (London: Oxford University Press, 1912), 189.

и искал, поэтому набросился на книгу практически с диким неистовством»¹⁶⁸. Примерно через месяц после этого он сочинил «Поэму об Улиссе».

Эта его работа примечательна, по меньшей мере, своей лаконичностью, ведь Лавкрафт в восьмидесяти восьми строках сумел пересказать «Одиссею» Гомера объемом в двенадцать тысяч строк. Даже пересказ Булфинча в прозе занимает тридцать страниц (в издании «*Modern Library*»). Лавкрафт сократил поэму, ловко опустив несущественные элементы сюжета, а именно первые четыре песни (посвященные Телемаху) и, как ни странно, одиннадцатую песнь о путешествии в мир мертвых. Что важнее всего, он пересказал историю в хронологическом порядке, начиная с отплытия Одиссея из Трои до его возвращения на Итаку, тогда как в оригинальной поэме Гомера события изложены довольно запутанно. Много лет спустя данное различие между последовательностью событий и последовательностью повествования станет основой произведений Лавкрафта, и остается лишь поражаться тому, в каком раннем возрасте он освоил этот прием. Даже если он стащил сию уловку из «Книг на полчаса», пользоваться ею Лавкрафт научился мастерски.

Читать «Поэму об Улиссе» – одно удовольствие, несмотря на встречающиеся кое-где грамматические ошибки, а также использование псевдоархаизмов и неполных или неточных рифм. Вот отрывок, рассказывающий о победе Одиссея над

¹⁶⁸ ИП 2.108 (прим. 3).

циклопами:

Хитрой уловкой
Он сбивает с толку глупого гиганта,
Выколол ему один глаз
И сбежал под жуткие вопли негодяев.

А вот о том, как Одиссея разгневала Цирцею, превратившая его спутников в свиней:

Не рад он видеть их
В свинском блаженстве.
Обнажил меч и в гневе обратился
К стоявшей там Цирцее:
«Освободи моих бойцов,
Верни им прежний облик!!»

Если Лавкрафт видел серединную рифму в строке «*He'll ne'er roam far from Ithaca*» («Он никогда не уйдет далеко от Итаки»), то мы можем представить, каким было его новоанглийское произношение.

Пожалуй, наибольший интерес в «Поэме об Улиссе» представляет собой приложенный к ней перечень «Классики Провиденса» от «Провиденс пресс». Вот этот список:

МИФОЛОГИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ 25 ц.
ОДИССЕЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ В СТИХАХ 5 ц.
ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИЙ МИФ
ДЛЯ САМЫХ МАЛЕНЬКИХ 5 ц.

ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ

ИЛИАДА ДЛЯ ДЕТЕЙ В СТИХАХ 5 ц.

ЭНЕИДА 5 ц.

МЕТАМОРФОЗЫ ОВИДА 25 ц.

Получается, на тот момент «Мифология для детей» и «Древнеегипетский миф» уже были написаны, однако, насколько известно, эти произведения не сохранились. Более содержательный перечень можно найти в конце «Маленьких стихотворений, том II» (1902), где упоминаются все три работы из раздела «Готовятся к изданию». Первые две из них, изложенные, скорее всего, по Булфинчу, утрачены. К тому же не стоит забывать, что Лавкрафт мог прочитать «Илиаду» в переводе Поупа и «Энеиду» в переводе Драйдена. О «Метаморфозах» Овидия мы поговорим чуть позже.

Судя по стоимости в 25 центов, «Мифология для детей» была произведением объемным. Это первое сочинение Лавкрафта в прозе, представляющее из себя пересказ Булфинча. В тридцать четвертой главе «Века сказаний» кратко упоминаются некоторые египетские мифы, а больше всего внимания уделено мифу об Изиде и Осирисе, поэтому смею предположить, что именно он и стал источником «Древнеегипетского мифа». Видимо, произведение было очень коротким, раз Лавкрафт оценил его в 5 центов. В перечне 1902 г. указывается некое произведение под заголовком «Египетские ми-

фы» стоимостью в 25 центов – возможно, Лавкрафт дополнил свою первоначальную работу.

Подготовка «Поэмы об Улиссе» к «изданию» потребовала немало труда, в том числе создание иллюстраций, оформление титульной страницы и сведений об авторском праве, составление перечня работ и назначение цен. Все это говорит о том, что уже в возрасте семи лет Лавкрафт намеревался стать писателем. В постскриптуме, следовавшем за предисловием, указано: «Качество будущих работ улучшится, как только автор получит больше опыта». Пользоваться копировальным аппаратом под названием «гектограф» Лавкрафт еще не научился, поэтому, если он и «продавал» свои произведения в нескольких экземплярах (ближайшие родственники наверняка желали поддержать его стремления и вполне могли приобрести его первые «книги»), то, видимо, каждый раз переписывал их заново.

Впрочем, классическая Античность интересовала Лавкрафта не только с литературной точки зрения, она также пробуждала в нем даже близкое к религиозному любопытство. Он с удовольствием вспоминал о том, как в 1897–1899 гг. посещал музей Род-Айлендской школы дизайна (у подножия Колледж-Хилл, неподалеку от Бенефит-стрит). В 1897 г.¹⁶⁹ музей как раз только открылся, и Лавкрафт рассказывал, что его «самым неподходящим образом разместили в

¹⁶⁹ От Г. Ф. Л. к Ричарду Ф. Сирайту, 26 января 1935; *Letters to Richard F. Searight*, 44.

подвале главного корпуса» на Уотермен-стрит, 11 (в 1914 г. оно было снесено при строительстве автобусного тоннеля), однако, несмотря на это, музей

«... привел меня в восторг, это была настоящая волшебная пещера, где я увидел всю изысканность Греции и все великолепие Рима. С тех пор я посетил немало других музеев искусств, да и сейчас нахожусь на расстоянии платы в пять центов от одного из величайших музеев в мире [музей «Метрополитен» в Нью-Йорке], и все же ни один из них не оказал на меня такого же сильного впечатления, ни один не дал возможности так близко соприкоснуться с Древним миром, как тот скромный подвал с убогими гипсовыми скульптурами на Уотермен-стрит!»¹⁷⁰

Разумеется, водили его туда либо мама, либо дедушка. В другом письме Лавкрафт говорит: «Вскоре я побывал во всех основных музеях классических искусств Провиденса и Бостона»¹⁷¹ (имея в виду Музей изящных искусств в Бостоне и Музей Фогга в Гарварде) и добавляет, что начал собирать коллекцию небольших греческих скульптур из гипса. Это привело к страстному увлечению Античностью, а затем и к своего рода религиозному откровению. Пусть Лавкрафт сам расскажет об этом в своей неподражаемой манере:

«Лет в семь-восемь я был истинным язычником —

¹⁷⁰ От Г. Ф. Л. к Л. Д. К., 4 октября 1925 (рукоп., БДХ).

¹⁷¹ ИП 1.300 (прим. 12).

меня так сильно дурманила прелесть Древней Греции, что я вроде как начал верить в древних богов и духов природы. Я воздвигал самые настоящие алтари Пану, Аполлону, Диане и Афине, а когда спускались сумерки, пытался разглядеть в лесах и полях дриад и сатиров. Я не сомневался, что однажды узрел этих лесных существ танцующими под осенними дубами, и этот “религиозный опыт” стал для меня не менее достоверным, чем для какого-нибудь христианина – его иступленный восторг. Если христианин скажет мне, что ощутил присутствие Иисуса или Иеговы, я, в свою очередь, поведаю ему о встрече с богом Паном с копытами вместо ног и сестрами Фазтусы» («Исповедь неверующего»).

Таким образом, Лавкрафт опровергает слова Булфинча, который в самом начале «Века сказаний» мрачно заявляет: «Религии Древней Греции и Рима устарели, и среди ныне живущих не осталось ни одного человека, поклоняющегося так называемым олимпийским богам»¹⁷².

Вышеупомянутым отрывком Лавкрафт явно хотел показать, что в нем с ранних лет развивался скептический и антиклерикальный настрой, хотя, возможно, он слегка преувеличивает. Ранее в этом же очерке он пишет: «В возрасте двух лет мне читали Библию и житие Николая Чудотворца; и то и другое я слушал с безразличием, не проявляя особого интереса или понимания услышанного». Ближе к пяти годам, как

¹⁷² . *Bulfinch's Mythology*, 7.

затем добавляет Лавкрафт, он узнал, что Санта-Клауса не существует, и в связи с этим задался вопросом: «А может, Бога тоже придумали?» «Вскоре после этого», продолжает он, его отдали в воскресную школу при Первой баптистской церкви, однако Лавкрафт проявил себя таким страстным иконоборцем, что ему разрешили бросить занятия. Правда, в другом письме он утверждает, что это произошло, когда ему было двенадцать¹⁷³. Если проследить философское развитие Лавкрафта, то можно сделать вывод, что случай с воскресной школой все-таки относится к более позднему возрасту двенадцати лет, а не пяти. Однако его определенно и раньше принуждали к церковному обучению, которое шло вразрез с его растущим интересом к Древнему Риму:

«Когда учителя в воскресной школе старались показать Древний Рим с неприглядной стороны – жестокость Нерона, гонения на христиан, – я не мог разделить их точку зрения. Мне казалось, что один добрый древнеримский язычник стоил десятков раболепствовавших ничтожеств, фанатично принявших чужую веру, и искренне сожалел о том, что религиозные предрассудки так и не удалось искоренить... Я полностью поддерживал карательные меры, введенные Марком Аврелием и Диоклетианом, и не испытывал ни капли сочувствия к христианскому сбору. Сама мысль о том, чтобы вообразить себя на их

¹⁷³ От Г. Ф. Л. к Р. К., 7 марта 1920 (ИП 1.110–11).

месте, казалась мне нелепой»¹⁷⁴.

За этим следует чудесное признание: «В семь лет я стал зваться Л. ВАЛЕРИЙ МЕССАЛА и представлял, как пытаю христиан в амфитеатрах»¹⁷⁵.

К семи годам Лавкрафт уже много читал – «Сказки братьев Гримм» в четыре, «Тысячу и одну ночь» в пять, античные мифы в шесть-семь лет, – успел сменить два вымышленных имени (Абдул Альхазред и Л. Валерий Мессала), начал писать стихи и документальную прозу, а также на всю дальнейшую жизнь заразился любовью к Англии и к древности. Однако его творческие аппетиты росли, и уже зимой 1896 г. у Лавкрафта появился новый интерес – театр. Первой увиденной им постановкой стала «не самая известная работа Денмана Томпсона»¹⁷⁶, пьеса под названием «Солнце Парадайз-элли», в которой его больше всего поразила сцена в трущобах. Вскоре он посмотрел «хорошо поставленные» пьесы Генри Артура Джонса и Артура Уинга Пинеро¹⁷⁷, а на следующий год после похода в оперный театр Провиденса, где ставили шекспировского «Цимбелина», вкус Лавкрафта сделался еще более утонченным. В 1916 г. он все еще помнил, что в 1897 г. рождественский дневной спектакль выпал

¹⁷⁴ От Г. Ф. Л. к Р. И. Г., 30 октября 1931 (ИП 3.431–32).

¹⁷⁵ От Г. Ф. Л. к Ф. Б. Л., 27 февраля 1931 (ИП 3.313). Однако в одном из более ранних писем говорится, что этот псевдоним Лавкрафт взял на четырнадцатом году жизни (от Г. Ф. Л. к Ф. Б. Л., 26 января 1921 [ИАХ]).

¹⁷⁶ ИП 1.36 (прим. 10).

¹⁷⁷ От Г. Ф. Л. к Д. В. Ш., 25 сентября 1933 (рукоп.).

на субботу¹⁷⁸. У себя в комнате Лавкрафт обустроил миниатюрный кукольный театр, вручную нарисовал декорации и несколько недель подряд сам с собой разыгрывал «Цимбелина». На протяжении следующих пятнадцати-двадцати лет его интерес к театру то утихал, то снова оживлялся. Примерно в 1910 г. в Провиденсе он ходил на «Короля Иоанна» в постановке Роберта Мантелла, где Фоконбриджа играл молодой Фриц Лейбер-старший¹⁷⁹. Лавкрафт также довольно рано увлекся кинематографом, и некоторые фильмы оказали значительное влияние на его самые известные работы.

В то время как и физическое, и психическое состояние его отца, лежавшего в больнице Батлера, ухудшалось, юный Говард Филлипс Лавкрафт начиная с трех лет непрерывно развивал свой разум и воображение, чему сначала способствовала колониальная архитектура Провиденса, потом «Сказки братьев Гримм», «Тысяча и одна ночь» и «Сказание о старом мореходе» Кольриджа, затем художественная литература восемнадцатого века, театр и пьесы Шекспира и, наконец, Готорн, Булфинч и мир Античности. В какую поразительную последовательность выстроились эти интересы, многие из которых пребудут с Лавкрафтом всю жизнь! Осталось упомянуть еще одно страстное увлечение, повлиявшее на его дальнейшее развитие как человека и писателя: «А по-

¹⁷⁸ ИП 1.37 (прим. 10).

¹⁷⁹ От Г. Ф. Л. к Д. Ф. М., март [?] 1937 (ИП 5.432).

том я открыл для себя ЭДГАРА АЛЛАНА ПО!! Голубой небосвод Аргоса и Сицилии заволокло ядовитыми парами гробниц, и я пропал!»¹⁸⁰

¹⁸⁰ ИП 2.109 (прим. 3).

3. Мрачные леса и загадочные пещеры (1898–1902)

Большой интерес вызывает история жанра «странной прозы» вплоть до 1898 г., и наиболее тщательно эту историю проследил сам Лавкрафт в эссе «Сверхъестественный ужас в литературе» (1927). Конечно, применение элементов «сверхъестественного» в западной литературе берет начало еще от «Илиады», в которой боги вмешивались в дела смертных, однако, как справедливо утверждает Лавкрафт, «странная проза» могла зародиться лишь в тот период, когда большинство людей перестали верить в существование потусторонних сил. В «Гамлете» призрак пугает окружающих не словами или поступками, а одним своим присутствием, олицетворяя нарушение неизменных законов природы. Поэтому не стоит удивляться тому, что первое каноническое произведение в сверхъестественном жанре было написано в восемнадцатом веке, в эпоху Просвещения, и написано человеком, не подозревавшим, что сочиненный им за два месяца роман по мотивам сна о средневековом замке сыграет важную роль в ниспровержении рационализма, идеи которого автор всячески поддерживал.

Однако мало кто задумывается о том, что выход романа «Замок Отранто», напечатанного Хорасом Уолполом на

Рождество 1764 г. в собственной типографии в Строберри-Хилл, не вызвал *незамедлительных* перемен в мире литературы. В 1777 г. Клара Рив, подражая истории Уолпола (и отчасти осуждая его), написала роман «Старый английский барон», но статья по-настоящему популярным в 1790-е готическому жанру помогло развитие немецкого романтизма. Именно в это десятилетие вышли книги Анны Радклиф «Роман в лесу» (1791), «Удольфские тайны» (1794), «Итальянец» (1797), и на какое-то время она стала самым читаемым автором в англоязычном мире. В тот же период появился роман «Монах» (1796) двадцатилетнего Мэтью Грегори Льюиса, немногим позже Чарльз Роберт Метьюрин опубликовал свой первый роман «Семья Монторио» (1807), а в 1820 г. написал одно из самых известных произведений готического жанра – роман «Мельмот Скиталец». Уолпол, Радклиф, Льюис и Метьюрин – самые выдающиеся авторы английской готической литературы, чьи произведения, подобно буму киножанра ужасов в 1980-е, породили множество подражаний и пародий. По данным Фредерика С. Фрэнка, к 1820 г. появилось 422 романа в готическом стиле, и большинство из них давным-давно канули в Лету¹⁸¹. (Причудливую повесть Уильяма Бекфорда «Ватек» [1786] трудно целиком отнести к данному жанру, поскольку она скорее наследует традициям арабских сказок и «Истории Расселаса» Сэмюэла Джон-

¹⁸¹ Фредерик С. Фрэнк, «*The Gothic Romance: 1762–1820*», по *Horror Literature*, под ред. Маршалла Тимна (New York: Bowker, 1981), 3–175.

сона, а не романа Уолпола.)

В «Сверхъестественном ужасе в литературе» Лавкрафт, хоть и почерпнувший немало информации о готическом жанре в знаковой работе Эдит Биркхед «История ужаса» (1921), умело выделяет «новые атрибуты повествования», введенные Уолполом и его последователями:

«...в первую очередь это старинный готический замок громадных размеров, частично заброшенный или разрушенный, с отсыревшими коридорами и тайными подземельями, замок, окутанный страшными легендами, которые и лежат в основе нагоняемой тревоги и дьявольского ужаса. Вдобавок необходим деспотичный аристократ на роль злодея, праведная и обычно довольно безжизненная героиня, на чью долю выпадают все основные ужасы и с чьей точки зрения сочувствующий читатель следит за историей, затем безукоризненный доблестный герой знатного происхождения, но в скромном обличье, несколько второстепенных персонажей со звучными иностранными именами, чаще всего итальянскими, а также бесконечный реквизит в виде странного сияния, тайных люков в полу, гаснущих ламп, загадочных, покрытых плесенью манускриптов, скрипящих дверей, трясущихся занавесов и тому подобного».

Из описания становится ясно, что Лавкрафт понимал, как быстро готический «реквизит» превратился в избитый литературный прием, потерявший весь свой смысл и

способный вызвать лишь ухмылку, а не трепет. Примером тому служит роман Джейн Остин «Нортенгерское аббатство» (1818). Несмотря на выход новаторского романа Мэри Шелли «Франкенштейн», который показал, что наука может вселять не меньше ужаса, чем средневековые суеверия, к 1820 г. литература находилась в поисках нового направления, и пришло оно, что вполне уместно, из новой, молодой страны.

Чарльз Брокден Браун, автор «Виланда» (1798) и других романов, пытался подражать книгам Анны Радклиф, перенося действие в Америку, однако успеха не снискал. Уже в 1829 г. Уильям Хэзлитт поднял вопрос о творчестве Брауна, а заодно и американской готической литературе в целом, что отчасти повлияло и на Лавкрафта:

«... смеем заверить, что в Северной Америке не водятся призраки. Они не расхаживают здесь среди бела дня, а порождающие их невежество и предрассудки были искоренены задолго до того, как Соединенные Штаты гордо подняли голову над волнами Атлантики... И в этой упорядоченной и спокойной атмосфере безопасности одного из героев по воле мистера Брауна мучает и преследует демон, но откуда ему тут взяться? Американские читатели не склонны к суевериям, что вынуждает автора компенсировать отсутствие предрассудков беспрестанным хвастовством

и кривлянием»¹⁸².

Возможно, Хэзлитт и преувеличивал, говоря о рациональности американского разума, но он выявил истинную дилемму сюжета: если вся «причуда» (как сказал бы Лавкрафт) готического жанра заключается в том, чтобы пробудить средневековые сверхъестественные силы, то как они могли проявиться в стране, которая в Средние века еще даже не существовала?

Решить эту проблему сумел Эдгар Аллан По (1809–1849), который не только перенес действие своих рассказов в Старый Свет, он еще и придумал вымышленную страну, неопределенную, но с тщательно проработанными деталями, в результате чего ощущение страха не привязывалось к месту, а росло только в воображении. Не стоит забывать о том, что творчество По пересекается с последними годами расцвета готического жанра: его первый рассказ «Метценгерштейн» был опубликован в 1832 г., всего через двенадцать лет после выхода «Мельмота». Как считал Г. Р. Томпсон, в этом рассказе По пародирует готические традиции¹⁸³, однако нельзя не заметить, что множество образов взято из английской и немецкой готической литературы, в особенности у Э. Т. А. Гофмана. Вспомним, как По защищался от нападок крити-

¹⁸² Уильям Хэзлитт, «*American Literature – Dr Channing*», *Edinburgh Review* № 99 (октябрь 1829): 127–28.

¹⁸³ Г.Р. Томпсон, *Poe's Fiction: Romantic Irony in the Gothic Tales* (Madison: University of Wisconsin Press, 1973).

ков, считавших его рассказы чересчур «германизированными», и отстаивал оригинальность своих работ: «Пусть основной темой множества моих сочинений является ужас, я уверяю вас, что этот ужас исходит не из Германии, а из человеческой души»¹⁸⁴. По одному этому предложению ясно, что в рассказах По произошло коренное смещение акцентов, что и комментирует Лавкрафт следующим образом:

«До появления По авторы “странной прозы” двигались вслепую, на ощупь, не понимая, что в основе притягательности жанра ужасов лежит психология. Их работе препятствовали и некоторые литературные условности, такие как обязательный счастливый конец, вознаграждение добродетели и бессодержательные по своей сути нравоучения... В то время как По осознал беспристрастность истинного творца и понял, что у художественной литературы простое назначение – выражать и истолковывать события и ощущения как есть, независимо от того, окажутся они хорошими или плохими, приятными или отвратительными, вдохновляющими или гнетущими. В этом случае автор всегда выступает в роли отстраненного “летописца”, который не высказывает своего мнения, не сочувствует герою, не дает ему наставлений».

Нельзя сказать, что смещение акцента с ужаса внешнего

¹⁸⁴ Предисловие к *Tales of the Grotesque and Arabesque* (1840), по *Collected Works of Edgar Allan Poe*, под ред. Томаса Оллива Мэбботта (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1978), 2.473.

на внутренний было повсеместным, ведь даже в некоторых рассказах самого По однозначно действуют потусторонние силы, хотя иногда их бывает сложно отличить от расстройств психики (например, когда главный герой рассказа «Черный кот» видит «громадную фигуру кота, точно вырезанную на белой стене в форме барельефа»¹⁸⁵; что это – призрак или галлюцинация?). Творчество По повлияло не только на Лавкрафта, но и на многих писателей, которые вдохновлялись его многогранным стилем, упором на психические расстройства и, самое главное, теоретическим и практическим доказательством того, что жанру ужасов больше всего подходит короткая литературная форма рассказа. До сих пор не удалось получить удовлетворительного ответа на вопрос о том, можно ли вообще написать «роман ужасов», а не просто роман с элементами ужасного и сверхъестественного.

Сложно проследить непосредственное влияние Эдгара По на «странную» литературу, ведь и Англия, и США расхлебывали «последствия готической прозы», как выражался Лавкрафт, почти до конца девятнадцатого века. Вышли работы Фредерика Мариетта («Корабль-призрак», 1839), Эдуарда Булвер-Литтона («Лицом к лицу с призраками», 1859; «Странная история», 1862), Уилки Коллинза и многих других. Вскоре после этого ирландский писатель Джозеф Шеридан Ле Фаню (1814–1873) опубликовал произведения, поразительно похожие на творчество По, хотя вовсе не стре-

¹⁸⁵ . *Collected Works of Edgar Allan Poe*, 3.853.

мился ему подражать; данное сходство главным образом заметно в рассказах «Зеленый чай» и «Кармилла», тогда как его романы, среди которых особенно выделяется «Дядя Сайлас» (1864), продолжают устоявшиеся готические традиции. На рубеже веков творчество Ле Фаню кануло в безвестность, и Лавкрафт мало что читал из его работ, да и прочитанное ему не очень нравилось. Зато он прилежно освоил рассказы и романы Натаниэля Готорна и назвал его «Дом о семи фронтонах» «величайшим достижением Новой Англии в области “странной литературы”», хотя Готорн придерживался более ранних традиций. Тем не менее его творчество подсказало Лавкрафту еще одно решение проблемы, сформулированной Хэзлиттом, поскольку вымышленный мир Готорна, который, по словам Мориса Леви, отличается от большинства других американских произведений «странной прозы» «исторической глубиной»¹⁸⁶, основан на мрачном наследии пуританской культуры Новой Англии.

В последнюю четверть девятнадцатого века хлынул настоящий поток литературы жанра ужасов. Как отмечал в одном письме Лавкрафт: «Интерес викторианцев к “странной прозе” не иссякал, и Булвер-Литтон, Диккенс, Уилки Коллинз, Гаррисон Эйнсворт, Маргарет Олифант, Джордж У. М. Рейнольдс, Г. Райдер Хаггард, Р. Л. Стивенсон вместе с бесконечным множеством других авторов исписали кипы бума-

¹⁸⁶ Морис Леви, *Lovecraft: A Study in the Fantastic*, в пер. С. Т. Джоши (Detroit: Wayne State University Press, 1988), 14.

ги»¹⁸⁷. Десятилетие, с 1890 по 1900 г., которому предшествовало появление «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда» Стивенсона (1886), породило особенно много произведений, ставших классикой жанра, однако Лавкрафт познакомился с ними намного позже.

В США вышли два знаковых сборника, «Рассказы о солдатах и мирных жителях» (1891) и «Бывает ли такое?» (1893), Амброза Бирса (1842–1914?), чей первый рассказ «Ущелье призраков» был написан еще в 1871 г. В этих работах прослеживался перенятый у По интерес к психологическому ужасу, приправленный цинизмом и мизантропией. Произведения Бирса Лавкрафт начал читать только в 1919 г. Еще позже он наткнулся на ранние работы в «странном» жанре Роберта В. Чэмберса (1865–1933), хотя больше всего ему нравились сборники необычных рассказов, такие как «Король в желтом» (1895), «Создатель Лун» (1896) и другие. Забросив «странную прозу», Чэмберс вошел в новый век как автор бесконечных женских романов-бестселлеров, в связи с чем Лавкрафт называл его «павшим Титаном»¹⁸⁸. Повесть Генри Джеймса «Поворот винта» (1898) считали выдающимся, но крайне нетипичным образчиком работы писателя, прочно утвердившегося в роли мудрого толкователя социальных проблем.

Тем временем в Англии Артур Мэкен (1863–1947) упро-

¹⁸⁷ От Г. Ф. Л. к Элизабет Толдридж, 28 августа 1933 (ИП 4.239).

¹⁸⁸ От Г. Ф. Л. к К. Э. С., 24 июня 1927 (ИП 2.148).

чил свою репутацию такими работами, как «Великий Бог Пан и Сокровенный свет» (1894), «Три самозванца» (1895), «Дом душ» (1906), «Холм грез» (1907). Лавкрафт ознакомился с его творчеством только в 1923 г. В 1897 г. вышел «Дракула» Брэма Стокера, однако его не сразу стали считать главным вампирским романом. Чрезвычайно значимые работы М. Р. Джеймса (1862–1936), Лорда Дансени (1878–1957) и Элджернона Блэквуда (1869–1951), которые начали публиковаться в первое десятилетие двадцатого века, Лавкрафт открыл для себя в период между 1919 и 1925 гг.

На тот момент «странная проза» не являлась преобладающим жанром (да и позже никогда не была таковым), хотя можно заметить ее подъем в последнее десятилетие девятнадцатого века. Несмотря на это, я отмечал¹⁸⁹, что в тот период и на протяжении многих последующих лет «странная проза» вовсе не считалась отдельным жанром. Даже Э. По справедливо не причислял себя к авторам «странной» направленности, ведь он также писал юмористические, сатирические и первые в истории литературы детективные рассказы. В предисловии к сборнику «*Tales of the Grotesque and Arabesque*» (1840) он с раздражением заявляет: «Допустим пока, будто в основе “фантазийных” рассказов действительно лежат немецкие традиции. Будто они написаны в немецком стиле. Возможно, завтра во мне не останется ничего немецкого, как

¹⁸⁹ . *The Weird Tale* (Austin: University of Texas Press, 1990), 1f.

не было и вчера»¹⁹⁰. Точно так же нельзя утверждать, что произведения Ле Фаню, Стокера, Мэкена, Блэквуда и Дансени целиком относятся к «странной прозе» или что сами авторы считали их таковыми. Что касается Готорна и Стивенса, лишь малую долю их работ можно причислить к данному жанру.

Как вы могли заметить, я не упомянул никакие журналы, посвященные «странной прозе». Все дело в том, что до появления *Weird Tales* в 1923 г. их и не существовало. Рассказы Э. По печатались в обычных журналах того времени (*Graham's Magazine*, *Godey's Lady's Book*, *Southern Literary Messenger*), а в некоторых из них он также выступал в роли редактора. Бирс регулярно публиковался во многих журналах и газетах. Другими словами, никто не запрещал публиковать «странные» произведения в журналах для массовой аудитории, как это происходило в начале двадцатого века в Америке, поэтому в Англии на протяжении 1950-х Мэкена, Блэквуда и Дансени печатали в самых обычных изданиях. В 1890-х появился журнал «Манси» (*Munsey*), давший толчок развитию жанра, так как в нем печатали «странные» и детективные истории, а также фантастику. Вскоре журнал начали высмеивать (по большей части вполне справедливо) как дешевое «популярное» чтение для масс, и все эти жанры перестали публиковать в обычных журналах, а с выпуском палп-журналов в 1920-х тенденция только укрепилась. Подробнее о данном

¹⁹⁰ См. прим. 4.

явлении я расскажу немного позже.

Итак, на рубеже веков и в начале двадцатого века «странный жанр» не являлась отдельным, легко узнаваемым жанром или стилем, что очень важно для понимания того, какое место в литературе занимает Лавкрафт, ведь он одним из первых стал называть себя преимущественно автором «странного жанра». Явным признаком такого положения дел было практически полное отсутствие литературной критики до выхода работы Дороти Скарборо «Сверхъестественное в современной английской художественной литературе» в 1917 г. – не самого выдающегося произведения с точки зрения критики, но первого всеобъемлющего исследования по данной теме. Интересно, что критический разбор готической литературной традиции впервые появился в 1921 г., когда вышла «История ужаса» Э. Брикхед. («История возрождения готики» Чарльза Л. Истлейка (1872) посвящена исключительно неоготической архитектуре, а не литературе. «Сверхъестественное в романтической литературе» Эдварда Ярдли (1880) – довольно поверхностное исследование потусторонних мотивов в литературе от Средневековья до романтизма.) Именно поэтому эссе «Сверхъестественный ужас в литературе» по-прежнему остается наиболее впечатляющей и переломной работой в литературной критике.

Первое прозаическое сочинение Лавкрафта, по его соб-

ственным словам, относится к 1897 г.¹⁹¹, и в других источниках он упоминает, что это был рассказ «Знатный соглядатай», о котором известно совсем немного: в нем говорилось о «мальчике, ставшем свидетелем ужасного сборища подземных обитателей в пещере»¹⁹². Поскольку данная работа не сохранилась, пожалуй, нет смысла в поиске литературных источников, на которых она была основана, однако можно предположить, что рассказ написан под влиянием «Тысячи и одной ночи» (пещера Али-Бабы и пещеры из других историй). Еще более вероятно, что свою роль здесь сыграл дедушка Уиппл, единственный член семьи, которому, видимо, тоже нравился «странный» жанр». В одном из поздних писем Лавкрафт сообщает:

«Никто, кроме дедушки, не рассказывал мне “странных” сказок. Обратив внимание на мои вкусы в литературе, он экспромтом сочинял разные истории о мрачных лесах, загадочных пещерах, жутких крылатых существах (вроде “ночных мверзей” из моих снов, о которых я ему поведал), старых ведьмах и кипящих котлах, откуда доносились “утробные стоны”. Большинство образов он явно заимствовал из ранних готических романов Радклиф, Льюиса, Метьюрина и т. д. — эти авторы ему нравились больше, чем По или

¹⁹¹ От Г. Ф. Л. к Р. Х. Б., 25 июня 1931; *O Fortunate Floridian*, 3.

¹⁹² От Г. Ф. Л. к Д. В. Ш., 19–31 июля 1931 (рукоп., БДХ).

Здесь упоминаются некоторые идеи (загадочные пещеры, утробные стоны) из «Знатного соглядатая», однако Лавкрафт утверждает, что это единственный рассказ, написанный им до знакомства с творчеством По.

С учетом того, на какой стадии развития находилась «странный» литература в 1898 г. и сколько лет было тогда Лавкрафту, неудивительно, что рассказы Э. По стали первым образчиком жанра, с которым он познакомился. Длинные готические романы он не осилил бы, даже будучи большим любителем восемнадцатого века. К тому же со временем их стало очень трудно достать (в 1920-е Лавкрафт пришел в замешательство, узнав, что в Нью-Йоркской публичной библиотеке нет ни одного экземпляра «Мельмота Скитальца». Что касается более современных ему писателей, в 1921 г. Лавкрафт жаловался, что «девять из десяти человек *даже не слышали* про Амброза Бирса, величайшего американского автора рассказов после Эдгара По» («В защиту “Дагона”»). Возможно, он слегка преувеличивает, хотя к 1898 г. Бирс был широко известен только в литературных кругах Сан-Франциско, где он себя и зарекомендовал. В любом случае его страшные рассказы – не самое подходящее чтение для восьмилетнего мальчика. Работы других упомянутых мной писателей на тот момент либо вышли совсем недавно, либо считались «чересчур» взрослыми для юного читателя.

¹⁹³ От Г. Ф. Л. к Д. В. Ш., 4 февраля 1934 (ИП 4.354).

Хотя к началу двадцатого века Э. По стали считать выдающимся представителем американской литературы, ему все равно приходилось, уже посмертно, сталкиваться с критическими замечаниями. Например, в 1876 г. Генри Джеймс высказался следующим образом: «При всем уважении к оригинальному таланту автора “Таинственных рассказов” мне кажется, что воспринимать его всерьез могут только люди несерьезные. Бурный интерес к творчеству По – признак решительно примитивной стадии умственного развития»¹⁹⁴. Впрочем, в защиту Эдгара По выступали Бодлер, Малларме и другие европейские писатели, поэтому и английские, и американские критики постепенно переосмыслили свое отношение к нему. Английский исследователь Джон Генри Инграм написал первую биографию По в двух томах «Эдгар Аллан По: жизнь, письма, взгляды» (1880), за которой в 1885 г. последовала книга «Эдгар Аллан По» Джорджа Э. Вудберри для серии «*American Men of Letters*» (в 1909 г. вышло расширенное издание «Жизнь Эдгара Аллана По»). Лавкрафт позднее приобрел биографию, написанную Инграмом, и издание Вудберри 1885 г.

Не могу с точностью сказать, какие конкретно книги По читал Лавкрафт в 1898 г. В его библиотеке имелись издания из серии «Рейвен» (5 томов, 1903) и один том («Эссе и философия») из серии «Камео» (10 томов, 1904), но в 1898 г.

¹⁹⁴ Генри Джеймс, «*Baudelaire*» (1876), *French Poets and Novelists* (New York: Macmillan, 1878), 76.

они еще даже не вышли. Весьма маловероятно, что у его семьи было первое коллекционное издание сочинений Э. По (Гризвольд, 4 тома, 1850–1856), иначе Лавкрафт обязательно его сохранил бы. То же самое можно сказать и о более ранних изданиях: Инграма (4 тома, 1874–1875), Ричарда Генри Стоддарда (6 томов, 1884), Эдмунда Кларенса Стедмана и Вудберри (10 томов, 1894–1895). Издание под редакцией Джеймса А. Харрисона (17 томов, 1902), остававшееся наиболее примечательным до выхода собрания сочинений под редакцией Т. О. Мэбботта в 1969–1978 гг., стало бы жемужиной в семейной библиотеке Лавкрафта или его родных. Остается лишь предположить, что он читал однотомную подборку историй, возможно, в пересказе для детей или подростков – в то время нередко выпускались подобные версии.

На самом деле в ранних рассказах Лавкрафта трудно выделить отчетливое влияние творчества По. Он заявляет, что первая история, написанная им в 1897 г. (название не указано, но это наверняка «Знатный соглядатай»), относится к «доэдгаровской» эпохе¹⁹⁵, подразумевая, что последующие рассказы написаны как раз под влиянием По, хотя я не вижу никаких признаков этого влияния в «Маленькой стеклянной бутылке», «Потайной пещере, или Приключениях Джона Ли», «Тайне кладбища, или «Мести Покойника», или «Таинственном корабле». Первый из перечисленных рассказов Лавкрафт снисходительно называл «ребяче-

¹⁹⁵ От Г. Ф. Л. к Бернарду Остину Дуайеру, 3 марта 1927 (ИП 2.109).

ской попыткой сочинить что-то смешное»¹⁹⁶.

В «Маленькой стеклянной бутылке» рассказывается о корабле под управлением капитана Уильяма Джонса, который находит бутылку с посланием (здесь можно увидеть отсылку к рассказу Э. По «Рукопись, найденная в бутылке»). Из послания, написанного торопливым почерком самого Лавкрафта (незатейливый, но эффективный способ добиться реалистичности), мы узнаем, что автора зовут Джон Джонс (с капитаном он, похоже, никак не связан) и что в указанном на обороте записки месте спрятан клад (сзади нарисована простенькая карта Индийского океана, в нижней части – неопределенные очертания материка с надписью «Австралия»). На записке указана дата: 1 января 1864 г.

Капитан Джонс решает, что «стоит добратся» до обозначенного места, и отправляется туда вместе со своей командой. Там они находят еще одну записку от Джона Джонса: «Дорогой искатель, извини, что я тебя разыграл, но теперь ты получил по заслугам за свой необдуманый поступок...» Траты моряков Джон компенсирует железной коробкой с суммой в «\$25.0.00», что бы это ни значило. Прочитав послание (на котором почему-то стоит дата 3 декабря 1880 г.), капитан Джонс произносит единственную за весь рассказ смешную фразу: «Сейчас бы как оторвать ему башку».

Ни один из этих ранних рассказов, за исключением «Та-

¹⁹⁶ От Г. Ф. Л. к Р. К., 16 ноября 1916 (ИП 1.36).

инственного корабля» (он точно относится к 1902 г.), не датирован, однако все они наверняка были написаны в период с 1898 по 1902 г., причем, скорее, ближе к 1898 г., чем к 1902 г. «Потайную пещеру» Лавкрафт почти не упоминает, ведь это самая незначительная из его детских работ. В этой истории миссис Ли просит своих детей, десятилетнего сына Джона и двухлетнюю дочь Элис, «вести себя хорошо», пока «родителей не будет дома», но как только супруги уезжают, Джон и Элис спускаются в подвал и начинают «копаться в старом хламе». Элис прислоняется к стене, и та вдруг подается: дети обнаруживают тайный ход, в котором им сначала попадается большая пустая коробка, потом маленькая и очень тяжелая закрытая коробка и лодка с веслами. Внезапно они оказываются в тупике, Джон сдвигает с пути некое «препятствие», и на детей обрушивается поток воды. Элис, в отличие от брата, не умеет плавать, и она тонет. Джон с трудом забирается в лодку, прижимая к себе тело сестры и маленькую коробку. Он вдруг понимает, что «может остановить воду», и ему это удастся, хотя автор не объясняет, что именно Джон сделал и почему не подумал об этом раньше. «Было очень страшно и абсолютно темно намокшая свеча потухла а рядом лежало мертвое тело». Наконец Джон выбирается обратно в подвал. Позже мы узнаем, что в коробке лежал золотой слиток стоимостью в десять тысяч долларов – «на эти деньги можно купить что угодно, но жизнь сестры не вернешь».

Не знаю, с какой целью Лавкрафт сочинил такую неприятно пугающую историю. Судя по большому количеству грамматических ошибок, писал он в спешке. В некоторых местах имя Элис написано с маленькой буквы. Вряд ли рассказ можно назвать автобиографическим, поэтому не стоит делать выводы, будто Лавкрафт хотел иметь сестру. Опять же, никакого заметного влияния По или других авторов здесь не просматривается.

О рассказе «Тайна кладбища», в котором есть целых два подзаголовка – «или Приключения Джона Ли» и «Детективная история», можно поведать намного больше. Это самый длинный из детских рассказов Лавкрафта, и в конце рукописи указано (гораздо позднее): «Написано в конце 1898-го или начале 1899 г.». Подзаголовок «Детективная история» вовсе не означает, что рассказ придуман под влиянием «Убийства на улице Морг» По или других его детективных историй, хотя Лавкрафт однозначно их читал. Он также ознакомился (об этом я расскажу далее) с первыми рассказами о Шерлоке Холмсе и вполне мог прочитать их в раннем возрасте. Впрочем, даже беглого взгляда достаточно, чтобы понять: при написании этой напыщенной и довольно увлекательной истории Лавкрафт вдохновлялся бульварным чтением.

Первые бульварные (или десятицентовые) романы появились в 1860 г., когда фирма, позже известная под названием «Бидл энд Адамс», перепечатала роман Энн Софии Уинтер-

ботем Стивенс «Малеска – индейская жена белого охотника» в виде 128-страничного издания в мягкой обложке размером 10 на 15 сантиметров. Суть заключалась именно в переиздании, так как компания заявляла, что продает «долларовую книгу за десять центов»¹⁹⁷. «Бидл энд Адамс» оставалась главным издателем бульварных романов до 1898 г., а в 1889 г. их вытеснило издательство «Стрит энд Смит», смело вышедшее на рынок бульварного чтения. Издательский дом Фрэнка Таузи тоже выпускал подобные книги.

Не подумайте, что эти романы представляли собой сплошь динамичные триллеры (хотя таких печатали немало); были среди них также и вестерны (про Дедвуд Дика от «Бидл энд Адамс», про Даймонд Дика от «Стрит энд Смит»), детективные и шпионские истории (про Ника Картера от «Бидл энд Адамс», про Олд Кинг Брейди от Фрэнка Таузи), рассказы о жизни старшекласников и студентов (про Фрэнка Мерривелла от «Стрит энд Смит») и даже благочестивые истории о морали и честности (за авторством Хорейшо Эджера, который написал огромное количество книг для «Стрит энд Смит» в 1890-е)¹⁹⁸. Их отличительными чертами были цена, формат (мягкая обложка, объем до 128 страниц) и, как правило, динамичный стиль повествования. Самые популярные романы серии продавали по десять центов,

¹⁹⁷ Эдмунд Пирсон, *Dime Novels* (Boston: Little, Brown, 1929), 4f.

¹⁹⁸ См. Пирсон, в разных источниках; Квентин Рейнольдс, *The Fiction Factory* (New York: Random House, 1955), в разных источниках.

хотя выпускали и более тонкие книжки для юных читателей, которые оценивались в пять центов, за что их прозвали «пятицентовой библиотечкой».

Один из величайших парадоксов литературной карьеры Лавкрафта заключается в том, что он поглощал такие высокохудожественные плоды западной культуры, как греческая и латинская литература, пьесы Шекспира, поэзия Китса и Шелли, и при этом не стеснялся возиться в самых дешевых экземплярах массовой прозы. На протяжении всей жизни Лавкрафт решительно отстаивал ценность «странной литературы» (в отличие от некоторых современных критиков, которые бездумно превозносят и хорошее, и плохое, хвалят и художественную изысканность, и штампованную банальность в образчиках «популярного чтения» – как будто ценность литературы определяется тем, что любят читать полуграмотные люди) и категорически отказывался (и правильно делал) считать «странные» произведения из серии бульварных романов и палп-журналов настоящей литературой, однако все равно жадно их поглощал. Лавкрафт понимал, что читает ерунду, и все-таки продолжал ее читать.

В бульварных романах теперь находят не только социологическую, но и литературную ценность, поскольку их (и популярную художественную литературу вообще) читали все слои населения. Такое мнение зародилось еще в 1929 г., когда Эдмунд Пирсон отметил в своем исследовании, что в юности многие выдающиеся писатели (Бут Таркингтон,

Самюэль Гопкинс Адамс, Марк Коннелли, Уильям Лайон Фелпс) любили бульварные романы. Впрочем, не стоит забывать о том, что «десятицентовые» и «пятицентовые» романы в основном читали подростки, а также бедные и малообразованные люди. Все эти книги были устроены одинаково: любой ценой показать динамичное действие, пусть даже не очень правдоподобное, добавить в конец каждой главы захватывающий сюжетный поворот и неестественные диалоги, изобразить стереотипного героя, упростить структуру. Разве могли они позитивно повлиять на человека, стремившегося писать серьезные произведения? Когда Лавкрафт научился смотреть на книги критически и отличать хорошую литературу от плохой, то понял, что такие приемы использовать нельзя. Правда, к тому времени он прочитал уже так много бульварных романов и последовавших за ними палп-журналов, что, как сам справедливо утверждал, отчасти они повлияли на его стиль и немного его подпортили.

Лавкрафт не стремился рассказывать друзьям по переписке о том, что читал бульварные романы, но кое-где случайно об этом упоминает. В 1935 г. он пишет: «Если б я сохранил “пятицентовые” романы, которые читал тайком 35 лет назад – “*Pluck & Luck*”, “*Brave & Bold*”, истории про Фрэнка Рида, Джесси Джеймса, Ника Картера, Олд Кинга Брейди... Сейчас бы за них дали небольшое состояние!»¹⁹⁹ Из этого воспоминания следует, что Лавкрафт читал «десятицентово-

¹⁹⁹ От Г. Ф. Л. к Р. Х. Б., 25 марта 1935; *O Fortunate Floridian*, 230.

вые» и «пятицентовые» романы около 1900 г., однако, возможно, он начал увлекаться ими и раньше. «*Pluck & Luck*» (Таузи) начали выпускать в 1898 г., «*Brave & Bold*» («Стрит энд Смит») – в 1903 г., Фрэнк Рид сначала появился на страницах «Библиотечки Фрэнка Рида» (Таузи, 1892–1898), а затем, с 1903 г., перебрался в еженедельный журнал «Фрэнк Рид». Истории о Джесси Джеймсе («Стрит энд Смит») стали выходить в 1901 г., а первые рассказы про Ника Картера читатели увидели еще в 1886 г. на страницах «Нью-Йорк уикли» («Стрит энд Смит»). В 1891 г. начали печатать еженедельный журнал «Детектив Ника Картера». Олд Кинга Брейди впервые увидели в журнале «Детективная библиотека Нью-Йорка» (Таузи, 1885–1899), а затем (уже вместе с его сыном Юным Кингом Брейди) – в журнале «Секретная служба» (1899–1912).

Интереснее всего, пожалуй, рассмотреть героя по имени Олд Кинг Брейди, ведь персонажа «Тайны кладбища» зовут Кинг Джон и описывается он как «известный детектив с Запада». Олд Кинг Брейди хоть и не упоминался в вестернах, зато был детективом. Первые романы об Олд Кинге Брейди в основном сочинял Фрэнсис Вустер Даути, и во многих из них, как и в «Тайне кладбища», есть намеки на сверхъестественное²⁰⁰. Если Лавкрафт продолжал читать «Секрет-

²⁰⁰ В *The Dime Novel Detective*, под ред. Гэри Хоппенстэнда (Bowling Green, OH: Bowling Green University Popular Press, 1982), 7–34, целиком перепечатан роман об Олд Кинге Брейди, *The Haunted Churchyard; or, Old King BrA. D. y the Detective and the Mystery of the Iron Vault* (1890).

ную службу», то с этим связано наличие некоторых книг в его библиотеке: «История секретной службы Соединенных Штатов Америки» (1868) Лафайета Чарльза Бейкера и «Захват поезда: история секретной службы во время последней войны» (1885) Уильяма Питтенгера. Возможно, как раз в тот период он читал и эти книги. К тому же в начале 1890-х в издательстве «Бидл» выходила серия книг о детективе Принце Джоне (автор – Джозеф Э. Бэджер-мл.). Не могу утверждать, что в Кинге Джоне Лавкрафт соединил Олд Кинга Брейди и Принца Джона (даже в виде сочетания имен), однако его герой определенно был детективом из бульварных романов.

Да и «Тайна кладбища» – самый что ни на есть бульварный роман в миниатюре, что видно уже по его подзаголовку с типичным для первых «десятицентовых» и «пятицентовых» романов «или...». Действие развивается крайне динамично, и за двенадцать коротеньких глав (в некоторых всего по 50 слов) мы узнаем о следующих страшных событиях.

После смерти Джозефа Бернса священник по имени Добсон, выполняя последнюю волю Бернса, бросает на его могилу мяч в отмеченное буквой «А» место и исчезает. Некто Белл заявляется домой к дочери Бернса и обещает воскресить ее отца за 10 тысяч фунтов. Недолго думая, дочь звонит в полицию и кричит в трубку: «Мне нужен Кинг Джон!» Моментально появляется Кинг Джон, но Белл уже выпрыгнул из окна и скрылся. Кинг Джон преследует его до вокзала, однако Белл успевает вскочить в отъезжающий со стан-

ции поезд. К сожалению, городок Мэйнвилль, где происходит действие, не имеет телеграфной связи с «крупным городом» Кентом, куда направляется поезд (что в реальности было бы маловероятно). Кинг Джон нанимает экипаж и обещает извозчику два доллара (хотя до этого упоминалась сумма в фунтах), если тот домчит его до Кента за пятнадцать минут. Белл приезжает в Кент, встречается там со своими напарниками-головорезами (среди которых женщина по имени Линди) и уже планирует отчалить вместе с ними на корабле, когда эффектно появляется Кинг Джон и заявляет: «Джон Белл, именем Королевы я беру тебя под арест!» На судебное заседание вдруг приходит Добсон – оказывается, он провалился в тайный люк и сидел в «пышных, ярко освещенных апартаментах», пока не сделал из воска дубликат ключа. Белла приговаривают к пожизненному заключению, а мисс Добсон, «кстати говоря», становится миссис Кинг Джон.

Рассказ представляет немалый интерес. Во-первых, неожиданное исчезновение Добсона в самом начале намекает на действие сверхъестественных сил, хотя сразу становится ясно, что это какой-то трюк. Позже именно за подобное и бранил Лавкрафт романы Анны Радклиф, в которых потустороннему обычно давалось неправдоподобное приземленное объяснение. В своих взрослых работах он старательно этого избегал.

В данном рассказе Лавкрафт не очень умело пытается выстроить повествование с несколькими сюжетными линиями,

прямым текстом заявляя в начале четвертой, пятой и шестой глав соответственно: «А теперь вернемся в поместье Добсонов», «А теперь вернемся в здание вокзала», «А теперь снова вернемся в поместье Добсонов». Сюжет получился довольно запутанным, и второстепенные загадки разъясняются только в последней главе.

Уже из краткого пересказа мы можем понять, что это чересчур драматизированное и насыщенное эмоциями произведение. В конце третьей главы человек восклицает: «О, ужас! Скорее на кладбище!», а в конце восьмой главы (которая на полях вполне справедливо помечена как «Длинная» – в ней целых 200 слов) читателя ждет волнующий абзац, где в одном предложении рассказывается, как Кинг Джон внезапно появляется на причале, чтобы не позволить негодяям улизнуть. Лавкрафт часто выделяет слова курсивом, например, когда Добсон эффектно входит в зал суда, мы узнаем о *«фигуре Самого мистера Добсона»* («Самого» напечатано большими буквами и трижды подчеркнуто).

Пожалуй, самая интересная деталь рассказа – «негр-извозчик», который разговаривает на типичном диалекте чернокожих извозчиков с проглатыванием звуков: «Н’знаю, как я туда доберусь, – сказал негр, – ведь у меня нет хор’ших лошадок...» Подобный диалект постоянно использовали в бульварных романах, и Лавкрафт, конечно, еще разовьет эту тему в своих более поздних работах.

В каталоге работ от 1902 г. (перечисленных в конце «Ма-

леньких стихотворений, том II») указаны следующие произведения: «Таинственный корабль» (25 ц.), «Знатный соглядатай» (10 ц.), «Дом с привидениями» (10 ц.), «Секрет могилы» (25 ц.) и «Детектив Джон» (10 ц.). Любопытно, что «Знатный соглядатай» по-прежнему упоминается (и выставлен на продажу), а вот рассказов «Маленькая стеклянная бутылка» и «Потайная пещера» в списке нет. Неужели Лавкрафт к тому моменту уже «отрекся» от этих историй, как впоследствии «отречется» от многих ранних работ? Тогда удивительно, что в каталоге все еще значился «Знатный соглядатай», первый рассказ автора, еще более примитивный.

«Секрет могилы» немного сбивает с толку, хотя я подозреваю, что это всего лишь другой вариант названия (или случайная ошибка) «Тайны кладбища». В письме от 1931 г. Лавкрафт говорит: «У меня остались... те дурацкие рассказы, что я писал в восемь лет, – “Таинственный корабль” и “Секрет могилы”, мама сохранила несколько экзепляров»²⁰¹. Цена в 25 центов указывает на то, что «Секрет могилы» – работа довольно объемная, а «Тайна кладбища» – самый длинный из сохранившихся детских рассказов Лавкрафта, он намного длиннее «Таинственного корабля».

«Детектив Джон» – предположительно еще один рассказ о Кинге Джоне. «Дом с привидениями», возможно, является первой настоящей историей Лавкрафта о сверхъестественном, хотя, следуя традициям бульварных романов, он

²⁰¹ От Г. Ф. Л. к Д. В. Ш., 19–30 июля 1931 (рукоп., БДХ).

мог только намекнуть на присутствие чего-то неизведанного, а объяснить все вполне логично. Заметьте, что из всех вышеперечисленных работ только «Знатного соглядатая» можно назвать рассказом в жанре ужасов. «Маленькая стеклянная бутылка» – юмористическая история, «Потайная пещера» – мрачный рассказ о семье, а «Тайна кладбища», «Таинственный корабль» и, вероятно, «Детектив Джон» относятся к жанру детектива или триллера, и в них присутствует лишь небольшая доля атмосферы ужаса.

«Таинственный корабль» – самое позднее из детских произведений Лавкрафта и определенно самое слабое. История состоит из девяти коротеньких глав объемом от 25 до 75 слов, и она написана так сухо и усеченно, что Л. Спрэг де Камп назвал ее «скорее наброском, а не рассказом»²⁰². Что странно, учитывая, сколько сил ушло у Лавкрафта на «печатать» и оформление книги. Прежде всего, это первый сохранившийся *машинописный текст*

²⁰² Л. Спрэг де Камп, *Lovecraft: A Biography* (Garden City, NY: Doubleday, 1975), 33.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.